

18+

Алексей Горшенин

*Пиковая
дама сузит
глазки*

Алексей Горшенин

Пиковая дама сузит глазки

«Издательские решения»

Горшенин А.

Пиковая дама сузит глазки / А. Горшенин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832254-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Произведения сборника отображают современное российское бытие в разных, подчас болезненно-драматичных социальных и нравственных аспектах. Непохожие по своей тематике, поднимаемым проблемам, сюжетным коллизиям, они объединены мыслью о том, что даже в самых трагических обстоятельствах надо оставаться по-настоящему достойной личностью. Повести книги отмечены остротой, динамизмом, глубоким психологизмом и художественной проникновенностью.

ISBN 978-5-44-832254-9

© Горшенин А.
© Издательские решения

Содержание

Несовпавший	6
1	8
2	11
3	12
4	13
5	15
6	16
7	18
8	20
9	24
10	29
11	33
12	40
13	44
14	47
15	50
16	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пиковая дама сузит глазки

Алексей Горшенин

© Алексей Горшенин, 2016

ISBN 978-5-4483-2254-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несовпавший (Анатомия самоубийства)

*Не жить случилось – доживать
в срамной борьбе за выживание...
А тут без тяги торговать,
да воровать, да предавать
никчемны прочие страдания.*

Н. Созинова

О его смерти первым узнал и оповестил рыжий, похожий на вывернутый овчинный полушубок эрдельтерьер из квартиры напротив. Начиная со вторника, с первой утренней прогулки, пес, вместо того, чтобы, как обычно, пулей нестись вниз, на улицу, садился вдруг на коврик у порога соседской двери и начинал выть. Хозяин с трудом стаскивал собаку с места, и она, испуганно озираясь чуть ли не на каждом шагу, продолжала подвывать и всхлипывающе взлаивать до самого выхода из подъезда.

Так продолжалось и день, и два, и три...

Наконец хозяин эрделя сообразил, что здесь что-то не так, и вызвал кого следует.

Слесарь с дворником в присутствии участкового и соседа напротив взломали дверь (благо в их доме оставалась она, наверное, такая одна, последняя – не какая-нибудь сверхпрочная бронированная, которую можно только фугасом свернуть, не с суперзамками и хитроумными запорами, а самая обыкновенная, навешенная еще четверть века назад строителями, оргалитовая дверь), вошли внутрь и сразу же почувствовали тошнотворно-сладковатый трупный запах.

Хозяина квартиры обнаружили в ванной. Захлестнутая на шее петля из бельевой веревки была привязана к трубе полотенцесушителя, а сам хозяин висел, неловко подогнув ноги и опустив руки по швам. Дно ванны поблескивало желтоватой лужицей. Запах мочи мешался с духом начавшегося тления.

Участковый осторожно дотронулся до повешенного и тут заметил в нагрудном кармане его рубахи сложенный вдвое клочок бумаги. Развернув его, участковый прочитал:

«Уходя, никого не виню. Просто не совпал с этой жизнью».

И все.

Участковый в недоумении повертел записку, повернулся к слесарю и, сунув ему бумажку, спросил, будто тот знал наверняка:

– Чего это он?

– Жить, поди, устал, вот и... – мрачно поскреб щетинистый подбородок слесарь.

– А кто он?

– Сосед мой, Николай Федорович... Перевалов, кажется, его фамилия, – с готовностью сообщил стражу порядка хозяин эрделя.

– Чего-то я его не припоминаю... – наморщил лоб участковый.

– Он недавно в нашем доме. С год, наверное. После размена квартиры. Очень тихо жил, сам по себе, незаметно, – сказал хозяин эрделя.

– Потому и не запомнил, коли не пил человек, не скандалил, не хулиганил, не судился, – заметил участковому дворник.

– А за ним ничего такого не водилось? – с сомнением покрутил в воздухе растопыренной пятерней милиционер.

– Не много я с ним общался, но, по-моему, вполне приличный интеллигентный человек, – возразил хозяин эрделя.

– А чем он занимался? – спросил участковый.

– Когда-то вроде в каком-то КБ работал, потом – кто его знает... – пожал плечами сосед и добавил: – И кто только сейчас чем не занимается! Чем раньше, может, и не приснилось бы.

– Зачем же тогда он, интеллигентный человек, в петлю полез? – ни к кому конкретно не обращаясь, задал вопрос участковый.

– Так пишет же – не совпал, – напомнил о записке слесарь. – Не сумел, значит, к нынешней жизни приспособиться.

– К ней, заразе, пожалуй, приспособишься, ежели утром встаешь и не знаешь, что будет вечером, – проворчал дворник.

– Ладно, – вздохнул участковый. – Сообщим в отделение и в «скорую» да будем оформлять. Надо бы родственников известить. Есть у него кто-нибудь? – спросил он, выходя из ванной.

– Этого я не знаю, – развел руками сосед.

1

Нельзя сказать, что жизнь Николая Федоровича Перевалова пошла под уклон внезапно. Он, во всяком случае, какого-то особого переломного момента в ней не помнил. Вроде катилось все себе обычным заведенным порядком: школа, вуз, молодой инженер-электронщик в проектной «ящичке», работающем на оборонку и космос, и два десятка лет неспешной карьеры от стажера до ГИПа (главного инженера проектов). Утром – на службу в переполненном транспорте, вечером тем же макаром – домой. В промежутках – вороха «калек» и «синек» с чертежами, «пояснительных записок» и служебных циркуляров, которыми постоянно был завален рабочий стол, вечный домоглов меч производственного плана над головой, производственные и профсоюзные собрания, анекдоты и треп в курилке, праздничные демонстрации, ну и, конечно же, с несокрушимой регулярностью выверенного электронного механизма – аванс, получка, прогрессивка, венчавшие творческий труд многочисленного коллектива.

Похожей жизнью жили родители Перевалова, такие же итээровцы, несметное число других людей самых разных возрастов и профессий вокруг, а потому казалось, что она столь же естественна и незыблема, как и звездное небо над головой.

Но, как известно, даже расположение звезд на небе меняется, – что уж тут говорить о жизни человеческой...

То, что жизнь становится другой, Перевалов почувствовал далеко не вдруг. Хотя лучше бы уж сразу швырнули в водоворот: выплыл – молодец, нет – такова твоя планида.

В том-то и дело, что невообразимых размеров плот их страны, название которой умещалось в аббревиатуру из четырех букв, связанный из бревен и бревешек «республик свободных», краев и областей, долгое время сплавлявшийся туда, где вроде бы лежала земля обетованная «свободы, равенства и братства», курс свой сменил не сразу.

Скорее всего кормчие и лоцманы поначалу просто проморгали нужный поворот, а потом, когда заметили впереди на пути нешуточные пороги и поняли, что мимо никак не пронесет, стали уверять всех, что нет ничего страшного, а есть новый курс к земле еще более лакомой, где всем воздастся по уму и таланту и даже сверх того, только вот на нем возникли некоторые естественные преграды, которые, зажмурившись, и очередной раз покрепче затянув пояса, надо преодолеть. И перестроиться. Непременно всем – от мала до велика!

Начавшиеся перемены не обошли и КБ, где работал Перевалов. На одном из партсобраний пришел черед и Николаю Федоровичу держать отчет в том, как он перестраивается в связи с новыми условиями (как делали до него уже многие сослуживцы). Но вместо того, чтобы, как многие, потопить демагогическую воду в ступе, Перевалов честно сознался: «Извините, товарищи, но я никак не пойму, куда и зачем я должен перестраиваться. Я плохо работаю? Делаю что-то не так? Скажите тогда – что? А может, я – пропащий алкоголик, хулиган, аморальный тип?..»

Собрание безмолствовало. Ничего плохого коллеги про Николая Федоровича сказать не могли. Специалист классный. По работе – только благодарности да премии. На Доске почета висит. Но главное – действительно работает, а не отрабатывает, как некоторые. Душа в деле чувствуется. Да и в общении мужик нормальный: ровный, доброжелательный; едва ли у них в КБ найдется человек, который бы на него зуб имел. В порочащих его связях тоже вроде не замечен. Но даже если и ускользнул от всевидящего ока общественности какой-нибудь производственный романчик, – велика ли беда!..

Так что, как ни крути, а ведь прав, наверное, Перевалов – какая нужда ему перестраиваться. Ну а поскольку та же крамольная мыслишка относительно себя любимого тлела-шайла, готовая вот-вот разгореться, внутри почти каждого из присутствующих, парторг, чутко уловивший это настроение, решительно взял инициативу на себя.

Язык у него был подвешен, запудрить мозги умел, потому и комиссарствовал в КБ который уже год.

Ты, Перевалов, говорил он, не понимаешь сути текущего момента. А суть заключается в том, что наша экономическая машина за многие десятилетия напряженной работы изрядно поизносилась и требует основательного ремонта всех узлов и деталей. Но для его осуществления надо переналадить в нужный режим работу обслуживающего персонала, то есть нас с вами, всего общества. Останавливать машину нельзя, ремонтировать придется на ходу. Отсюда сложность и ответственность задачи, которой нам надо проникнуться, – втолковывал неразумному Перевалову парторг.

Перевалов попытался представить себе некую громоздкую, непонятного назначения машину, внешне смахивающую на выдавший виды комбайн, участвовавший во многих хлебных битвах. Вокруг, нещадно дымя цигарками, топчутся мужики в промасленных спецовках и, перебивая друг друга, думают бесконечную думу о капремонте. Дума эта облекается в многозначительное почесывание затылков, цокание языками, сокрушенное качание головами, ну и, разумеется, в густо проперченные ненормативной лексикой словесные потки. Главный же смысл ее, думы, укладывается в два непреходящих вечных вопроса-ответа: «Что делать-то, мужики?» – «Да хрен его знает?!» И еще в одну фразу-надежду: «Вот приедет механик, он разберется...» Приезжает механик, ходит вокруг машины, чешет в затылке, сокрушенно вздыхает – до чего машину довели, матюгается, а когда спрашивают, что же с ней делать, разводит руками и произносит все то же сакраментальное: «Хрен бы его знал!» А машинешка все надсаднее чихает, кашляет, скрипит железными суставами, все жалобнее стонет, прося о помощи. А мужики продолжают топтаться возле больной и гадать, сколько ей еще осталось.

В одном из этих мужиков Перевалов увидел вдруг себя, и ему стало стыдно. Но тут же подумалось, что, наверное, куда больше стыдиться надо механику, не имеющего понятия, как ремонтировать машину...

Но вот чем иной раз Перевалов других «доставал», так это своей дотошностью, стремлением к исчерпывающей ясности.

Ну, хорошо, соглашался он с парторгом, машину ремонтировать надо. Но надо же знать – как. Чтобы грамотно и толково, а не методом тыка, все делать.

Это рассуждения сухого технаря-прагматика, – парировал парторг, – а общество живет по своим законам, и бывают моменты, когда надо сначала ввязаться в драку, а уж потом думать об «инженерном обеспечении».

Перевалов хотел напомнить, что, в результате, стало с великим полководцем-императором, когда он однажды так же вот на авось «ввязался в драку», но раздумал. Парторг, наверное, выражал линию партии, а это штука гибкая, и вполне возможно, что завтра она вильнет в противоположную сторону. Пройдет очередная кампания, схлынет волна – и все вернется на круги своя.

Гул порогов становился все явственнее, все ярче посверкивали впереди грозовые сполохи. Но оглушительный гром еще не грянул – и мужик не перекрестился. Да и не верилось, честно говоря, что гроза настоящая. Бутафорской казалась. Где-то там, за кулисами. На сцене же по-прежнему привычное: транспорт-соковыжималка в часы «пик», вертушка проходной по утрам и вечерам, кульманы в пропитанных канцелярской затхлостью отделах, очередной в разработке проект, как всегда, запарка со сроками и масса разных производственных согласований, утрясок, неувязок, а дома – жена, дочь с сыном, вырастающие из коротких штанов, и, значит, еще больше надо вкалывать и зарабатывать, чтобы счастливое их детство плавно перетекало в такое же, не омраченное ничем, отрочество, за которым начиналась пора «любви и грусти нежной»... Но работы Перевалов как раз и не боялся – была бы только работа.

А в том, что она ему, занятому обеспечением обороноспособности страны, всегда найдется, Николай Федорович не сомневался.

2

Между тем, ветер с порогов неожиданных крепчал, и все сильнее скрипели, расшатывались бревна в связках, особенно в крайних, словно пытались поскорее отделаться от надоевших пут и рвануть в свободное плавание. А некоторые звенья в носовой части под очередным порывом уже и оторваться успели. Их пытались поймать и силком вернуть на прежнее место, но не тут-то было – только щепки брызнули из-под багров да тучи новоявленных буревестников, невесть откуда взявшихся, гвалт подняли: «Караул! Спасайте свободу! – надрывались они и с упоительным восторгом призывали: – Пусть сильнее грянет буря!»

О, это сладкое слово – свобода!.. То, о чем не так давно и помыслить было боязно, сейчас говорилось без оглядки. И сказать можно было, и нечто, некогда запрещенное, прочитать.

Перевалов жадно набрасывался на прессу, восхищался остротой материалов, смелостью авторов, а главное, тем, что до всего этого он д о п у щ е н, что ему это д о з в о л е н о.

Но послабления для любителей чтения, зрелищ и вольных разговоров меркли рядом с действительно революционной новинкой: появились кооперативы – первые ласточки свободного общества.

То есть, конечно, они и раньше существовали, да только в густой тени, без вывесок и афиш. Тихохонько производили левый ширпотреб и тряслись денно и ночью в испуге дри-стогонном, как бы не загреметь под фанфары правосудия. И вот – нате вам: шейте, ребята, трусы и рубашки, кормите-поите прохожий люд в своих забегах – не бойтесь ничего, вы в «законе».

Впрочем, кооперативы и кооператоры быстро и незаметно исчезли. Никуда они, конечно, скоростижно не делись, просто сменили свой облик и вывески. Затянутые, словно когда-то большевистские комиссары в кожу, господа и дамы стали представлять в коридорах власти всякие-разные товарищества с ограниченной ответственностью и мало ограниченными спекулятивными возможностями, пришедшие на смену кооперативам.

У Перевалова в конторе тоже нашлись некоторые, решившие пуститься в свободное предпринимательское плавание. Однако воспитанная в старых коллективистских традициях институтская масса, и Перевалов в том числе, смотрела на них как на любителей легкой наживы, погнавшихся за длинным рублем. Пока. Потом, когда они, успев снять пенки, будут разъезжать на шикарных заграничных авто, строить себе заграничные особняки и небрежно похрустывать зелеными ассигнациями с портретом чужого президента, многие крепко позавидуют, что не рванули за ними следом.

Но это потом. А пока больше приглядывались, наблюдали через окошко телевизора, что там, у кормила власти и вокруг происходит.

3

А происходило то, что, наверное, и должно было произойти. Громкие вопли о свободе без конца и без края вызвал эффект сначала медленно, потом все стремительней скатывающейся снежной лавины. Свободы захотелось всем и непременно. И все вдруг сразу осточертели друг другу хуже горькой редьки. Словно только и ждали момента, когда можно будет развестись и приняться за дележ имущества. Не успели оглянуться, как обсосанный суверенитетом плот стал похож на обмылок. Тут же, рядом – обок и сзади – гордо и счастливо бултыхались его суверенные осколки, с которых свистели, улюлюкали, орали непристойности и плевали в сторону того, что еще осталось от когда-то «единого и нерушимого».

Случилось в это время Перевалову побывать в командировке в одном из новых суверенных образований, где находилось родственное по профилю НИИ, с которым они давно вели совместные разработки. Ничего отныне совместного, сказали ему, всё сами. Да, но ведь основные наработки не здесь, а у них в КБ, напомнил Перевалов. И сами – не дураки, если приспишит – свои такие же появятся, – ответствовали. Зачем же велосипеды изобретать, и дело как никак общее, удивлялся Перевалов и слышал в ответ чуть ли не гневное: кончилось общее, теперь все отдельное и самостоятельное.

Еще сильнее пришлось засомневаться Перевалову в подобной самостоятельности, когда попал он чуть позже на другой суверенный осколочек, чтобы проведать давно живших здесь, в краю шпрот и янтаря, стариков-родителей.

Сколько раз бывал здесь Перевалов! Наезжал по делам, проводил отпуска и никогда не чувствовал себя чужим. А теперь нате вам, заграница!.. Ну ладно, он – приехал-уехал, как-нибудь переморщится. А его старики-пенсионеры, а другие соотечественники, давно обжившие этот край и продолжавшие здесь оставаться? Как они-то должны чувствовать себя, став в одночасье незваными гостями, людьми второго сорта, чуть ли не оккупантами?

Ответов не находилось. На неуверенное предложение Николая Федоровича переехать к нему старики ответили категорическим отказом. Крепко вросли в янтарный берег. Не оторвать. Да и на материке чем лучше? Обременять сына, который и сам едва концы с концами сводит, не хотели, а судьба беженцев и переселенцев на их большой родине тоже незавидна.

Позже, когда беженцы со всех концов «ближнего зарубежья» и из «горячих точек» станут явлением до равнодушия и раздражения (понаехало тут, житья не стало!) привычным, Перевалов по-настоящему оценит прозорливую правоту своих родителей.

А тогда он уезжал с янтарного берега с тяжелым сердцем, снедаемый черным предчувствием, что видит стариков своих в последний раз.

Предчувствие оказалось вещим. Через три года родители Перевалова тихо, один за другим сошли в могилу, а он, задавленный безработицей и безденежьем, даже не сможет навестить их могилки...

4

Лавина тотальной свободы тем временем с заоблачных высот докатилась уже до обывательского подножья, успев смять, разрушить и погрести под собой столько всего, что хватило бы на хорошую войну.

Теперь даже пейзаж городской напоминал местами картины послевоенной поры. Многие оживленные улицы и бойкие перекрестки превратились в клокочущие людским варевом пестрые толкучки, на которые, казалось, вывалило все население.

Продавали, правда, не с себя последнее, а все больше импортное новое. От иностранных этикеток и наклеек рябило в глазах и думалось, что вот оно, изобилие, о котором столько мечталось и говорилось! Окорочка и сигареты, салями и пиво, электроника и тряпки на любой цвет и вкус со всего света!.. И никакого дефицита, очередей!..

А кругломорденький, с заплывшими поросычкими глазами, розовощекий лоснящийся экономист, захлебываясь от восторга с телеэкрана обещал: «То ли еще при любушке-рыночке будет!».

Практическое представление о панацее-рынке, который всех облагодетельствует, у Перевалова дальше той же толкучки и коммерческих ларьков-«комков» пока не шло. Наверное, потому, что других ярких и заметных его и не наблюдалось.

Что же такое на самом деле «комков» в жизни рядового обывателя, Перевалову помогли понять однажды слова лихого полусамодетельного шлягера, услышанные им в киоске по продаже аудиокассет:

А наш коммерческий ларек
от нищеты вас уберег,
чтоб вы могли нормально жить
и ни о чем бы не тужить...

Перевалов сначала обалдел от такой самонадеянности, но потом подумал, а может, и впрямь есть тут своя сермяжная правда. Ведь и он с женой, и соседи его, и знакомые, и вообще все, у кого тощ кошелек, спешат нынче не в магазин, а сюда. Здесь дешевле, доступнее.

Впрочем, в сравнении с чем дешевле? С соседним гастрономом – да! А вот если с досужеренными временами, когда плот их государственный был единым и неделимым, тогда все как раз наоборот: родная денежка стремительно превращалась в занюханного дистрофика, зато цены пухли, как от водянки, в той же прогрессии, пугая обывателя все новыми нулями

Нули к зарплате прибавлялись куда медленнее, потому и покупать удавалось теперь только самое необходимое; остальное же изобилие можно было только пожирать глазами, как выставочные или музейные экспонаты.

Перевалова это не особенно угнетало, хотя и закрадывалось что-то вроде обиды, когда на его глазах какой-нибудь юный пижон, еще и потрудиться толком не успевший, покупал вещь, о которой Николай Федорович мог только мечтать ввиду ее, по его мнению, непомерной дороговизны и, рассчитываясь с продавцом, небрежно выдергивал из толстого, перетянутого резиночкой от бигуди пласта одну крупную купюру за другой.

Жену Перевалова подобные сценки доводили до белого каления. А громоотводом становился Николай Федорович, не умеющий, по ее утверждению, жить, зарабатывать деньги и как следует заботиться о семье. Потому и прозябает в своем никому не нужном КБ в то время, когда некоторые разъезжают на иномарках и покупают женам норковые манто. Никакой гордости у мужика!..

Негодование жены Перевалова не особенно задевало. Ее мнение о себе он давно знал. Оно и в другие-то времена было не намного лучше. Что уж говорить о нынешних. Да и кое в чем Перевалов с ней соглашался. В том, например, что так и не научился он держать нос по ветру, чують за версту настоящую добычу и из любой ситуации извлекать выгоду.

А вот насчет гордости она зря... За то, что гордость у него есть, Николай Федорович мог ручаться. Только гордость его сейчас в КБ и держала. Гордость профессионала, твердо знающего себе цену и уверенного, что без него дело, которым он занимается, не обойдется. Тем более что и дело-то – не тят-ляп, а для безопасности и мощи страны жизненно важное. Так было до сих пор, и Перевалову казалось, что так будет и дальше. И глубоко ошибался.

Кормчие громогласно и во всеуслышание объявили, что теперь опасаться больше нечего и некого, что враги перековались в друзей, а потому грозный, наводивший страх на недругов, бронепоезд можно переплавить на кастрюли, ложки, вилки и прочую кухонную утварь. Вскоре, однако, оказалось, что все это почему-то проще (или кому-то выгодней) покупать за границей, и некогда привилегированная, ни в чем не нуждавшаяся оборонка сильно охромела, похилилась и все больше увязала в том незавидном состоянии, когда ты уже и не богу свечка, и не черту кочерга.

Все это, разумеется, аукнулось и у Перевалова в КБ. Одну за другой стали сворачивать перспективные разработки. Исчезли премии, прогрессивка (за что давать-то!). Начались первые сокращения. В людях поселилось чувство тревоги и неуверенности.

И как не тревожиться. Город в основном ей, обороной родимой, и жил всегда, щит и меч куя, хлеб насущный себе ею зарабатывал.

Но власти как языческие шаманы денно и нощно камлали: все, мол, путем, ребята, все катится, как задумано – реформы ж! Всего-то и делов – рухлядь убрать да новое поставить. Зато уж тогда заживем, ох и заживем!..

5

И вспомнилась Перевалову та странная машина, что возникла в его воображении, когда слушал он объяснения парторга о сути «перестройки». Все та же толкосья вокруг нее с размышлениями как быть разным ответственным и полуответственным люд. Но ни о каком ремонте уже и речи не шло. О другом мараковали: как бы побыстрей да ловчей ее в утиль сбегрить, а взамен новую, заграничную приобрести. Находились и скептики. Не спешить советовали, подумать: может, иностранная машина для их условий и не годна вовсе. На них цыкали, махали рукой, демонстративно поворачивались спиной и затыкали уши. Денег на машину никак не наскребалось, но продавцы забугорные входили в положение, обещали – в кредит, под залог имущества, за умеренные (обычные для бедных родственников) проценты. Подумаешь, кабала! Не впервой – потерпят! Зато появится возможность на сверкающем лимузине по мировому сообществу раскатывать. Да и подаяния легче собирать будет...

Между тем, возле старой машины шустрые пронырливые людишки замельтешили. Хотя и обветшала машинешка, но много еще можно с нее полезных для себя вещей поиметь. И пока высокое начальство судило-рядило, как и чего с машиной делать, проворные жуликоватые ребята свинчивали с нее то одно, то другое. И сбегривали желающим.

Иной раз нечто очень даже экзотическое и специфическое. А кое-что и такое, за что во времена оные очень даже запросто было до конца жизни оказаться «без права переписки». Во всяком случае, приборы ночного видения, которые изготовлял соседний завод, на городской барахолке продавались запросто. А однажды в рекламном объявлении Перевалов прочитал: «Продается подслушивающее устройство «Шалун». И поразил даже не сам факт продажи явно не предназначенной для рядовых обывателей вещи, а то, что объявлялось об этом открыто, без всякой боязни и утайки.

«Так ведь скоро и ядерные боеголовки начнут каждому встречному предлагать», – изливал по поводу этого Перевалов свое негодование жене и слышал раздраженное: – «Ну и пусть! Люди, чтобы жить нормально, на все готовы. Один только ты – ни украсть, ни посторожить...»

Чисто бабская логика, не особенно обижался на выпады супруги Перевалов. Но, все чаще, просматривая прессу и глядя на телеэкран, он с удивлением обнаруживал, что сплошь и рядом подобным же образом рассуждают и государственные чиновники, и народные избранники, готовые, похоже, ради своих личных, семейных или клановых интересов пуститься во все тяжкие.

Продавалось и покупалось теперь все что угодно: движимое и недвижимое, рукотворное и нерукотворное, неживое и живое. Все дозволялось, ничему не было запрета. И толпа свежеспеченных нуворишей взялась за дело с алчностью, которой позавидовали бы их серые четвероногие собратья.

6

В Переваловском КБ, где госсобственность в виде годящейся разве что на дрова древней канцелярской мебели, таких же кульманов и сейфов, почти никакой ценности не представляла, купить-продать, кроме мозгов и идей, было нечего, а цена на умные головы падала. Начались перебои с заказами. Сразу же стала запаздывать зарплата, которая, в свою очередь, не поспевала за ценами. Люди продолжали разбредаться кто куда. Классные инженеры и конструкторы шабашничали, «челночили», торговали в ларьках.

И снова бы Перевалову подсуесться, попытаться поймать ветер свободного предпринимательства в свои паруса (и жена его на это все время подталкивала-подпихивала) – еще не все занято и схвачено было, еще самая дележка с низу до верху шла, и оставались шансы успеть урвать, снять кое-какие пеночки. А он, осел упрямый, продолжал чего-то выжидать, на что-то надеяться. Чудилось ему, что всю эту образовавшуюся в последнее время накипь вот-вот сдует, проступит опять чистая вода, и можно будет, не разменяв, не растеряв себя в нынешней горячей лихорадке будней, продолжать, как и прежде, заниматься своим, однажды выбранным в жизни делом, в котором только и возможно проявиться по-настоящему, ощутить собственную нужность и полноценность и вне которого просто немислимо себя представить.

Надежды, однако, не сбывались. За бурлящим порогом спокойной чистой воды не было. Да и кормчие, похоже, понятия не имели, где она. Оттого, наверное, бросив кормило и пустив и без того изрядно потрепанный плот на волю стихии, кормчие схватились за грудки с извечным: «А ты кто такой?»

Разборка проводилась в лучших революционно-гангстерских традициях: с баррикадами, штурмом чиновничьих цитаделей и фортпостов связи, а так же (на зависть мелкой мафиозной шушере и в утеху жадной до зрелищ обывательской сволочи) с крутой орудийной пальбой, изрядно подкоптившей белоснежный дворец ретроградов и возвестившей миру о полной и окончательной победе «свободы и демократии».

«Уж чего-чего, а свободы им нынче хватает», – полагал Перевалов и опять ошибался.

Лупившие по белому дворцу танки заодно снесли напроць и плотину ограничений и запретов. Вал необузданной свободы, ломая всякие и всяческие устои, срывая с цепей темные страсти с подлыми страстишками и печати табу, накрыл обывателя с головой. Он вымывал из обывательских ям и закутков старую грязь, с удвоенной силой и яростью забивая их новой...

Свобода смыла запреты, и изголодавшиеся на скупом идеологическом пайке рыцари пера, камеры и микрофона бросились наверх стывать упущенное. Газеты теперь, не в пример ранешнему, читать было занимательно, но жутковато.

«Судью взорвали вместе с собакой...», «Дзюдоистку зарезала родная мама...», «Голову девчонки пацаны носили с собой...», «Бандиты коллекционировали пальцы...», – взалхлеб кричали газеты. «Развод при помощи киллеров...», «Афганца утопили в озере...», «Огород в стиле концлагеря...», «В морге есть что украсть...», «Блеск и нищета бомжей...», – смаковали они. «Награда нашла героя в тюрьме...», «Покойники – неплохая штука...», «В трупе передатчик не найден...», «за беса мстят мечом и огнем...», «Не дурак, не маньяк, а так...», – деловито сообщала пресса. Некогда кукольно розовый глянец на ее физиономии сменился гепатитной желтизной.

Перевалова пугали кризисом, катастрофой, стоящим буквально за дверями апокалипсисом, убеждали, что вообще всем им осталось жить полтора понедельника, если немедленно не одумаются, не укусят себя за локоть, не схватятся за голову и не придумают наконец что-нибудь.

«Придумай что-нибудь, придумай что-нибудь!...» – истерично заклинала в тон всей этой пугательной вакханалии их главная поп-дива.

Но почему-то ничего ни у кого не придумывалось, хотя оракулов, астрологов, колдунов, прорицателей, записных спасителей отечества расплодилось несть числа.

7

Как-то забрел Перевалов на встречу с кандидатом в депутаты по их округу. Им, к великому удивлению Николая Федоровича, оказался его бывший парторг. Из КБ он давно ушел, отчалил в неизвестном направлении, и вот неожиданно выплыл – теперь уже в качестве претендента на депутатский мандат.

На собрании парторг-кандидат пространно распространялся о том, что надо не щадя живота двигать реформы, бороться за панацею-рынок, что некогда общее-ничье сегодня, слава Богу, индивидуальное-свое и теперь все они – хозяйчики и кузнечики своего счастья, что надо вперед и выше, а за граница нам обязательно поможет...

Перевалов слушал его с тоской и стыдом. И не оттого лишь, что парторг-кандидат пережевывал обрыдлую политическую жвачку. Он и раньше-то откровенным начетчиком был. Куда больше угнетало Перевалова его хамелеонство. Всего несколько лет назад доблестный парторг, вдохновенно пламенея партийным кумачом, призывал к заоблачным вершинам равенства и братства. А теперь...

Впрочем, парторг и сегодня твердо знал, что ему лично будет очень даже неплохо, нисколько, по крайней мере, не хуже, чем вчера. Надо лишь вовремя усвоить новые правила игры. А их он, не сомневался Перевалов, слушая парторга, успел усвоить.

А ведь когда-то они были членами одной партии. Правда, в отличие от парторга, Перевалов никогда не рядился в тогу правоверного партийца. Он и в партию-то попал, можно сказать, случайно. Точнее даже – по расчету. Появилась однажды в КБ вакансия главного инженера проектов. Начальник отдела порекомендовал Перевалова. Руководство не возражало. Одна загвоздка: на должности такого уровня необходимо иметь партбилет. Хорошего специалиста Перевалова на менее ценного, но партийного, руководство менять не захотело, а потому предложило Николаю Федоровичу самому вступить в партию.

По натуре Перевалов человеком был необщественным и даже где-то аполитичным, потому и на сей раз горячего желания не изъявил. Но, во-первых, вакансии ГИПов появлялись не каждый день и когда еще такой случай представится, а во-вторых, у него совсем недавно родился второй ребенок, а пополнение требовало увеличения семейного бюджета. Новая должность делало прибавление в зарплате весьма существенным. Взвесив все «за» и «против» и выслушав семейного комиссара – собственную жену, категорически ратававшую за вступление ради такого дела в партию, Перевалов решился.

Вступал он с надеждой: стерпится – слюбится. В любовь не переросло, но стерпелось. И жил он с ней, с партией, как и с женой, честно и добропорядочно, хоть и по изначальному расчету: аккуратно платил взносы, ходил на собрания, политучебу, выполнял поручения... Было в его партийной жизни всякое. Кое-что никак принять не мог, но терпел, скрипя зубами. Однако и светлое было, хорошее. А главное в этом альянсе было то, что он знал и чувствовал, что партия, при всех ее заморочках и скверном диктаторском характере, в нем нуждалась, что с ее помощью ему удавалось хорошо делать то, что он мог и умел. И знал, что делал он это не впустую.

Когда ее лишили руководящей роли и дали отставку, Перевалов обрадовался, что снова свободен. Но бросать камни вслед – демонстративно, как некоторые, устраивать сожжение партбилетов, обзывать ее фашисткой и супостаткой, расписывать журналистам, как партия его гнобила, да и вообще поливать грязью бывшую сожительницу, – не стал. Хотя мог бы и он что-нибудь вспомнить не совсем приятное. Но зачем, если не по совести, не по чести это? А партбилет так и остался валяться в ящике его письменного стола. Теперь уже как реликвия, наверное...

Нарисовав общую картину ожидаемого рыночного благоденствия, парторг-кандидат обрушился на тех, кто мешает его созданию. Крайними оказались местные власти, которых парторг отругал за нерадивость и бездарность, обвинил в коррупции, прозрачно намекнув, что у него на всех найдется сколько угодно отборного компромата, который он обнародует, лишь только наденет на себя бронежилет депутатской неприкосновенности. После чего парторг горячо заверил присутствующих, что сделает все возможное и невозможное, чтобы результаты реформ золотым дождем пролились на каждого господина-гражданина, и стал горстями швырять в зал обещания. Учителям и врачам обещал резко повысить зарплату, пенсионерам – пенсии, студентам – стипендии. Обещал сделать производство рентабельным и прибыльным, а экономику экономной. Обещал поддерживать предпринимателей и бизнесменов в их благородном деле обогащения. Обещал не забывать ученых и деятелей культуры, военных и инвалидов... Обещал, обещал, обещал...

Аудитория вдыхала эти эфемерные обещания как фимиам и радостно рукоплескала. Перевалову она напоминала сейчас алкаша в той редкой стадии, когда даже от запаха спиртного он начинает ловить кайф, теряя последние остатки разума. Парторг «спаивал» аудиторию обещаниями, а она – что больше всего удивляло и убивало Перевалова – даже не пыталась поинтересоваться, как же он намерен их выполнять.

Бывшего парторга Перевалов знал не один год. Как человек дела он в их КБ не котиrowался. Очень средненький был инженеришка, в серьезной работе ни то, ни се. Усердием и трудолюбием тоже не отличался. Зато всякие идеологическо-демагогические штучки ему куда лучше удавались. Потому и сбагрили с легкой душой, как только подвернулся случай, в общественные сферы. Сначала в профсоюзе подвизался, потом парторгом выдвинули. Лишь бы у занятых настоящим делом людей под ногами не путался. И за всю жизнь тип этот ни одной проблемы самостоятельно не решил. А тут – на тебе! – судьбы тысяч и тысяч людей клянется к лучшему изменить, чуть ли не по щучьему велению не сегодня-завтра все к общему удовольствию устроить! Как?

С этим «как?» и подошел Перевалов после собрания к бывшему парторгу.

«Да никак! – цинично рассмеялся тот. – Сейчас важнее понравиться, запомниться. А обещания... Электорат любит обещания. Они его возбуждают...»

8

Жалкий актеришка! – возмутился тогда внутренне Перевалов, но тут же ему и подумалось, что классическое «вся жизнь – театр» перестает быть метафорой и обретает смысл почти буквальный и тотальный. Везде шло большое и малое лицедейство. От президентских и парламентских дворцов до папертей с нищими.

В президентских апартаментах Перевалову бывать не доводилось, но с лицедейством нищих он невольно сталкивался каждый день.

До своего КБ Перевалов добирался на метро. Он спускался в подземный переход и сразу же попадал под перекрестный огонь нищих. Они стояли у стен, сидели на каменных ступенях, толклись возле стеклянных входных дверей, хватая прохожих за рукав. Были здесь и благообразные седенькие старушки, и мрачные типы с чугунными рожами бомжей и профессиональных алкоголиков, и цыганки из южных республик с грудными младенцами на перевязи, были личности и вообще совершенно неопределенные – без признаков пола и национальности, но с печатью врожденного порока на ничем более не запоминающемся челе. Одни как заклинание повторяли одну и ту же слезливую историю о том, как их ограбили в поезде, и теперь вот они вынуждены просить у добрых людей на дороге. Другие – в основном старушки – действовали Божьим именем, обещая райское блаженство каждому, кто одарит их денежкой. Сложив ноги калачиком, цыганки беспрерывно раскачивались взад-вперед, как китайские болванчики, с той же методичностью помахивая протянутой ладонью вверх рукой. Иные сидели или стояли молча, как истуканы, бросив наземь шапку для подаяний. За них говорила висевшая на шее картонная табличка, на которой корявыми печатными буквами с орфографией второго-третьего класса излагалась того же пошиба жалостливая история или о несчастном погорельце, в одночасье оставшемся без крова и средств к существованию, или о страдальце, собирающем деньги на операцию от тяжелого недуга.

Перевалов не был черствым, глухим к чужому горю человеком и раньше нищим подавал. Но тогда и нищих-то во всем их большом городе можно было по пальцам пересчитать, зато сегодня от них ни в метро, ни в электричках, ни на улицах просто проходу нет.

Впрочем, дело даже не в их количестве. В конце концов жизнь становилась все хуже и хуже, народ беднел – многие действительно были уже на грани нищеты. Но что-то в современных нищих Перевалова сильно настораживало, не давало поверить в их искренность, в то, что, что они и в самом деле дошли до крайнего предела, за которым, чтобы не протянуть ноги, остается протянуть руку.

В послевоенном своем детстве Перевалов помнил таких нищих. И безногого фронтовика дядю Гошу, раскатывавшего на самодельной коляске с грохочущими подшипниками вместо колес, которого война лишила всего сразу – конечностей, погибшей во время бомбежки семьи и профессии (был он классным шоферюгой). И с рождения убогую сиротку Фенечку, днями простаивавшую с алюминиевой кружкой возле кинотеатра. И некоторых других, таких же горемычных христарадников, которым считалось грешно не подать. Для всех них нищенство и впрямь было актом безысходного отчаяния, а для кого-то и планидой.

Для современных же попрошайек, все чаще убеждался Перевалов, их занятие было ремеслом, способом добывания денег. И не самым плохим и трудоемким, понимал Перевалов, встречая тех же цыганок, шествовавших весело гомонящей толпой по вечерней улице после «трудового дня» с узлами и пакетами, набитыми разнообразной снедью. Оживленно переговариваясь, женщины, прямо «с куска» жевали похожую на них по цвету смугло-копченую дорогую колбасу, а дети, швыряя на тротуар шкурки и обертки, лакомились бананами и эскимо с орехами. (Перевалов и не помнил уже, когда собственных детей угощал такими лакомствами).

Сразила же его наповал одна нищенствующая бабуся у кафедрального собора. Ее он приметил однажды, ожидая, когда откроется с обеда хозяйственный магазин напротив. Он сразу выделил из шеренги разномастных нищих, подпиравших церковную ограду, эту сгорбленную трясущуюся бабульку, повязанную беленьким в горошек платочком, с батожком. Мелко крестясь, она с такой мольбой провожала слезящимися выцветшими глазками каждого проходившего мимо, что редко кто не осчастливливал ее «копеечкой».

На другой день, но уже к вечеру, Перевалов вновь по какой-то надобности проходил мимо церкви. Нищие уже разбредались. Некоторые, не стесняясь близости храма Божьего, прямо из горла хлестали вино.

Бабуля, притулившись к ограде, деловито пересчитывала дневную выручку. Что-то в ней изменилось. Перевалов присмотрелся: исчез, улетучился бесследно слезливый жалостливый взгляд, распрямилась спина...

Но самое удивительное оказалось впереди. Через пару минут возле бабульки затормозила шикарная иномарка и из нее выбрался здоровенный детина лет сорока. Бабулька отлепилась от ограды и заспешила к нему.

«Ну чо, мать, много насшибала?» – забасил детина.

«Не базлай на всю ивановскую, вахлак!» – осадила его старуха.

«Слышь, мать, Виталька мой меня с компьютером заколебал: грит, спроси да спроси у баушки – она, грит, обещала на день рождения подарить».

«Да будет ему компютер, будет! – сказала старуха. – Недельку еще похристарадничаю – и будет».

Детина услужливо распахнул перед старухой дверцу. Нищенка чинно, не спеша, уселась на заднее сиденье, и машина рванула во весь опор.

Перевалов долго еще ошарашено смотрел вслед, и было у него такое чувство, будто он только что стал свидетелем чудовищного мошенничества.

С тех пор как отрезало: нищим Перевалов подавать перестал...

Отвязавшись от нищих, Перевалов пошел по переходу. Одна его стена была занята застекленными киосками с разнобойным ширпотребом, а другую поделили цветочницы и торговцы книгами. Книги лежали на открытых лотках. Они глянцево лоснились и просили хотя бы взглянуть на них.

Когда-то, когда они были в дефиците, Перевалов собирал книги. Это коллекционирование доставляло ему удовольствие. Сейчас, когда в дефиците были только деньги, и книги стали для обывателя роскошью, Перевалов бросил это занятие. А интерес, азарт остался, и время от времени он заворачивал к книжным развалам.

От красочно-пестрых обложек разбегались глаза: то дуло пистолета с них на Перевалова целилось, то жуткая клыкастая образина вампира пялилась, то некое космическое диво, тоже на вурдалака смахивающее, гипнотизировало, то голая девица зазывающее подмигивала...

Заголовки били по нервам. Но как-то все больше о смерти в различных ее вариациях в них было.

«Смерть на взлете», «Смерть в облаках», – читал Перевалов на одних переплетах. «Напегонки со смертью», «Смертельный вояж», «Смерть рэкетира», – наткался его взгляд на других. Не лоток книжный, а, как значилось на одном из томов, прямо «Полигон смерти» какой-то, над которым сгустился «Воздух смерти». Красок в эту «Палитру смерти» добавляли «Убийство за убийством», «Кровавая карусель», которую заливал «Кровавый беспредел». Кто заставлял героев ходить «По колено в крови» догадаться тоже труда не составляло. Из заголовков было совершенно очевидно, что тут орудует «Банда» под названием «Ночные волки», у которых идет своя «Игра со смертью».

Но тогда, слегка призадумался Перевалов, обратив внимание на очередное название, «Кто убивает бандитов?» И тут же нашел ответ в заглавиях рядом лежавших томиков: «Бес-

предельщики», «Подонки», «Отморозки», готовые скуки ради «Перерезать всех!». Для них «Смерть ради смерти» – все равно, что искусство для искусства.

Хотя не исключено, подумал Перевалов, продолжая изучать книжные названия, что «Кровь алую» пускает какой-нибудь «Нелюдь» или «Изувер», а то и вовсе – «Оборотень» в зловещий «Час нетопыря». Но, возможно, свой «Счет за любовь» предьявляет «Насильник» или «Сексуальный маньяк». А вдруг это «Кокаиновый князь» вершит «Казнь по кругу»?..

Не книжный лоток, а прямо «Заповедник убийц», – поежился Перевалов, но его начало разбирать любопытство: противостоит ли кто всем этим «Ублюдкам»? Конечно же! – отвечала ему новая порция книжных заголовков. Например, «Гроза мафии» по кличке «Волкодав», который отлично знает основной «Принцип карате», имеет «Разящий удар» и, естественно, «Боевой захват». Или вот «Капитан Виноградов», за спиной которого «Штурмовой батальон» и «Черные береты». Так что, усмехнулся Перевалов, держитесь всякие там «Господа из мафии», «Душегубы», «Блатные», «Торговцы плотью» и «Сыновья козырных тузов»!

«Неужели ничего, кроме такого же убойного и костоломного, больше не сыщется? Хоть бы какая, пусть даже и криминальная, пища для ума?» – подумал Перевалов, переходя к другому лотку.

Такая «пища» здесь предлагалась.

«Дело опасной вдовы», «Дело об изощренном мошенничестве», «Дело о блондинке с подбитым глазом», «Дело о сбежавшем трупе», «Дело о ледяных пальцах»... – читал Перевалов на переплетах и невольно морщился: и здесь «пища» была с чернушным душком.

А дальше и вообще пошло нечто потустороннее. «Дом тихой смерти» – кладбищенским фосфоресцирующим сиянием высвечивалось на одной из книг. «Только для мертвых» – красовалось на другой. Третья завлекала «Тайной плачущего гроба». Четвертая предлагала «Приглашение в ад», чтобы увидеть «Танец мертвеца». Пятая передавала «Привет с того света», а ее подруга слева утверждала, что «Смерть нежна»...

Перевалова передернуло, но и дальше было не лучше. На глаза попались сначала «Жертвы дракона», потом «Дети Сатаны», уютно устроившиеся рядом с «Коллекцией трупов». Неподалеку «Фабрика дьявола» изрыгала серу, а «Летающие колдуны», словно истребители прикрытия, сопровождали «Гроб из Гонконга», из которого доносился «Хохот дьявола».

Перевалов поспешил подальше от этого загробного смрада. «Что-нибудь про любовь, про женщин посмотрю», – решил он, останавливаясь возле следующего лотка.

Но и тут не повезло. Бесстыдно пялясь на него с обложки голым задом, «Стерва» лежала «В постели с врагом». Ее терзала «Неприличная страсть». А рядом «Мужья и любовники» вели азартные «Любовные игры». «Эксбиционистка» подле них испытывала «Вожделение».

Разглядывая дальше обложки любовных романов, Перевалов узнал, что «Мир полон разведенных женщин», что вот «Эта вдова (очередная сексапильная неодетая красотка с переплета давала понять – какая именно) не плачет». Скорее всего, потому, что для нее всегда находится какой-нибудь «Нежный плут», без которого никакая «История греха» невозможна.

Но Перевалову не хотелось ни греха, ни разврата, ни смертей, ни насилия, ни чертовщины всякой. Как глотка свежего воздуха хотелось нормального добротного чтения, в котором бы его не пугали на каждой странице невероятными страшилками (жизнь все равно страшнее), не морочили бы голову неуклюжими сказками, не выдавали бы болезненную физиологию на грани патологии или дурно пахнущую пошлость за подлинные человеческие чувства и отношения. И без того до болезненных спазм его уже обкормил всем этим голубой экран. Но и в чтive, заполонившем книжные развалы, спасения от зловонной чернухи не находилось.

Если по возвращении с работы Перевалов задерживался у книжных лотков чуть больше, чем надо, ему начинали сниться кошмары.

Будто находится он в сумрачном зале, посреди которого на постаменте стоит массивный гроб. Из-под крышки его сочится влага. Вокруг толкуются призраки. Вот, совсем рядом – только

руки протяни – «Джоконда с пистолетом». Чуть поодаль – «Призрак киллера» с «Призраком оперы». «Человек из крематория» нежно поглаживает полированную крышку гроба. В дальнем углу завязалась «Схватка оборотней». А под потолком металось и совсем уж уродливое и страшное – «Две головы, одна нога» – привидение.

Вдруг комната погрузилась в могильный мрак, вспарывая который, рванулся на волю леденящий «Крик из гробницы». Следом в кромешной тьме над гробовой поверхностью появились «Светящиеся пальцы», сжимавшие «Кинжал для левой руки», а из нутра домовины раздался глухой, отсыревшие-скрипучий голос:

– «Что сказал покойник?»...

Находившиеся в зале призраки разом повернулись к Перевалову, словно вопрос предназначался ему и только ему.

Светящиеся пальцы с кинжалом исчезли, гроб протяжно-визгливо, будто из него выдергивали ржавые гвозди, закрипел, и крышка его начала медленно отходить. Наконец она исчезла, растворилась в темноте, и из черного провала гроба стала подниматься бесплотная фосфоресцирующая фигура.

– «Торжествующий мертвец»... «Торжествующий мертвец»... – зашелестело вокруг.

– «Так что сказал покойник?» – повторило свой вопрос бесплотное явление, вперив в Николая Федоровича жуткий взор, и не дождавшись ответа от испуганного Перевалова, назидательно изрек: – А то, что «Смерть нежна», И пусть светлый лик смерти станет твоим верным и вечным спутником.

Мертвец отвернулся от Перевалова и, вдруг выбросив вперед бестелесную светящуюся руку, загремел как в мегафон митинговый оратор:

– «Не остановить «Маятник смерти!»». «Время убивать настало». И пусть «Агония» умирающих будет самым желанным для вас зрелищем! И взбугрится земля могилами, и настанет «Ад на земле»!..

Мертвец сделал паузу, вслушиваясь в рассыпающееся по углам зала эхо, расплылся в продирающей до озноба пустой беззубой улыбке и зловеще закончил:

– И тогда, неразумные и подлые дети мои, «Я приду и плюну на ваши могилы!»

Перевалов просыпался в холодном поту и долго потом не мог отойти от увиденного.

9

...Между тем дела на их плоту, изрядно подрастрепавшемся и поредевшем на суверенной стремнине, шли хуже и хуже. Все рушилось и падало, от уцелевшего воротило и тошнило. Взор надежды устремился на границу. Кому было – что, меняли родные «деревяшки» на ихнюю «зелень». Кому не было – с вожделием ждали из-за бугра тучку с манной гуманитарной помощи.

Перевалову тоже посчастливилось ее отведать. Однажды вместо очередной зарплаты, которую теперь приходилось ждать по несколько месяцев, выдали им в КБ испещренные иноземными надписями коробки с гуманитарной помощью. В картонной коробке чуть больше посылочного ящика был упакован набор красивых пачек с быстро разваривающимися концентратами и разноцветных банок консервов. Жена обрадовалась этой коробке, словно дитя давно обещанной кукле. Она не знала, куда и поставить ее, нежно оглаживала картонные бока и без конца перебирала и перекладывала содержимое.

Но праздник длился недолго. Первая же вскрытая банка тушенки источала запах такой откровенной тухлятины, что ее пришлось немедленно выбросить в помойное ведро. За ней последовала и другая. Та же участь постигла и просроченные рыбные консервы. Крупы тоже оказались залежалыми и к употреблению непригодными. Из всего содержимого общим весом в десять килограммов более или менее съедными оказались две пачки сухого печенья да пара пакетиков жевательной резинки детишкам на забаву.

Разочарованная жена почему-то надулась тогда на него, Перевалова, будто именно он подсунул ей несъедобную «манну». А Перевалову вспомнилась шустрая старушка-христараница у церковной ограды – ведь она, пожалуй, такой вот милостынькой – на тебе, Боже, что мне не гоже – и в физиономию подающему запустила бы. И правильно бы сделала – не о халяве надо думать, а о «собственной гордости», которая бы позволяла смотреть на ихних буржуев свысока.

«Да когда ж мы на них свысока смотрели-то? – удивилась жена, когда он попытался напомнить ей строки знаменитого поэта-трибуна. – Мы ж им всегда завидовали, догнать-перегнать пытались, да кишка была тонка. И до гордости ли, если одеть-обуть себя никогда прилично не могли!...»

Перевалов собрался горячо возразить: неправда, мол, и гордость была, и достижения – вон какую державу отгрохали! – но ничего не сказал. Остановила каверзная мыслишка: куда же все так скоренько подевалось? А главное – стремительно, как из проколотой резиновой камеры, испускался дух прежней жизни, в которой человек человеку был пусть и не брат, но уж товарищ – точно.

Товарищеский локоть, дух здорового коллектива, в котле которого бурлили страсти производственные, общественные и даже личные, Перевалов привык ощущать денно и ночно настолько, что, казалось, лиши всего этого, – и он задохнется в мучительной асфиксии, как рыба, выброшенная на берег.

Однако в последнее время атмосфера в их КБ становилась все разреженной и одновременно тяжелей. Старый, складывавшийся десятилетиями, коллектив разваливался, редел, усыхал. Народ разбрехался. И каждому увольняющемуся как бы даже радовались, словно, уходя, он освобождал столь необходимый остающимся кусочек жизненного пространства.

Занимались теперь в элитном КБ, еще не так давно проектировавшем поражающую воображение супер-технику, вещами далекими от современных высоких технологий. Обслуживали в основном частные фирмы и предприятия. О серьезном госзаказе не было и речи.

Трудно было узнать и само КБ. Больше половины помещений арендовали в нем новоявленные бизнесмены. Молодые, коротко стриженные мурлаты ребята и длинноногие, макарон-

ного вида девицы заплотнили комнаты и коридоры, где некогда витали флюиды творческой научно-технической мысли. По-птичьи тренькали мобильники, доносились напористые голоса юных предпринимателей, без конца что-то покупавших, перепродававших. В рабочих комнатах, коридорах и даже туалетах стоял грай чужих, непривычных для этого интеллектуального заведения слов и понятий. «Ты мне наши деревянные не впаривай. Баксы давай, баксы!...», «Штук сто навара будет, как с куста...», «Какой сегодня у зеленых курс?..», «Надо разговаривать с официальным диллером...», «А мы демпинговать будем, демпинговать...» – то и дело доносилось до старожилов КБ. Перевалову эта шумная и весьма беспардонная молодежь с их новоязом казалась нахально вторгшейся в соловьиную рощу вороньей стаей. Еще оставшиеся работники КБ неслышными тенями боязливо жались к стенам, и уже не они, а самоуверенные, попыхающие дорогими заграничными сигаретами, попивающие пивко из жестяных банок арендаторы чувствовали себя здесь полными хозяевами.

«Наваривали» они, видно, неплохо, поскольку через день да каждый день завершали свою трудовую смену нехилыми застольями с шампанским, импортными винами в красивых бутылках и закусками, от одного вида которых у полуголодных сотрудников КБ, заглянувших ненароком в кабинет, где шел гудеж, начинала кружиться голова и появлялись спазмы в желудке.

В отличие от не бедствовавших и вполне довольных жизнью квартирантов, хозяевам приходилось все ту же затягивать пояса. Зарплата, долг по которой рос, как снежный ком, становилась большим, редким, но в то же время очень скромным праздником, который заканчивался, едва успев начаться.

На вот парадокс: контора их на глазах чахла, хирела, а ее руководители, наоборот, наливались здоровьем и румянцем. Пока их подчиненные терпеливо гадали, когда наконец появится возможность получить кровные, они не теряли времени даром: меняли старые авто на новые, малометражные со старых времен квартиры на громадные элитные хоромы, в которых можно было заблудиться, как в лесу, забивали эти апартаменты дорогой мебелью, всяческой утварью и бытовой техникой, с иголки одевали в дорогих бутиках себя и своих близких, по несколько раз в год совершали вояжи в райские уголки планеты для отдохновения от трудов праведных, заводили валютные счета и переправляли деньги подальше от родимой земли...

И делали все это не особо таясь, почти в открытую. Народ глухо роптал, но в глаза своего недовольства не высказывал, боясь потерять последнее и самое сейчас ценное – работу, пусть плохонькую и нерегулярно оплачиваемую, но работу, эту полузадохшуюся птичку надежды. Все перемелется, надеялись, чистая вода наконец проступит – и как тут без спасательного круга работы!..

А работу потерять, упустить из рук эту синичку стало нынче раз плюнуть. Не висел теперь на руководящей шее партийный хомут, не вставал грудью на защиту рядового труженика профсоюз. Один на один – голый, сырый, беззащитный – оставался перед лицом хозяина своего труженик. И разговор с ним был круче армейского с его сакраментальным «не хочешь – заставим». «Недоволен – пшёл вон!», – смело и цинично говорили теперь начальники, указывая на дверь. И уже не имели никакого значения ни твои прошлые заслуги, ни регалии, ни твой талант.

Перевалов пока держался. Не трогали его пока. Даже шанс ему дали новые руководители.

КБ они возглавили всего года полтора назад, когда прежние заслуженные отцы-командиры ушли на покой.

Перевалов, много лет проработавший под их началом, все никак не мог привыкнуть к новому руководству.

Этих ребят (для него действительно – ребят, поскольку каждый из них был моложе его минимум лет на десять) – и начальника конструкторского бюро, и его замов, и главного конструктора с главным инженером, и коммерческого директора – Перевалов знал еще с тех пор, когда они, как и прочие, добросовестно корпели за кульманами, выполняли общественные

поручения, участвовали в самодеятельности, играли в футбольной команде КБ. Звезд ребята с неба не хватали, постромки в работе не рвали, но себя показать в нужном месте и в нужное время умели и любили.

А скоро приспело и их золотое время. Начиналось последнее десятилетие многострадального и шумного века. Демократический сквозняк уже гулял по предприятиям, учреждениям и конторам, проникая в самые закрытые из них. Сладкозвучное слово «свобода» туманило голову. Старые конструкторские кони дорабатывали свой ресурс и все пристальнее поглядывали на молодых, присматривая себе замену. Способных и работающих было много, но требовалось еще и умение управлять, командовать, а оно встречалось реже. Хотя, наверное, у кого-то просто сразу и не проявлялось, не мозолило глаза. Может быть, поэтому нынешние ребята-руководители, а тогда еще просто конструкторы каких-то категорий и инженеры, оказались прежде других, более достойных, но менее ловких и настырных, на виду.

Большие говоруны и кроссвордные эрудиты, они любили повитийствовать, охотно и чувством выступали на собраниях, устраивали дискуссии в курилках. Они сразу же заметили благосклонное к ним отношение со стороны старых конструкторских коней, больше относившееся к их фонтанирующей энергии, нежели к уму и таланту, и поспешили к ним в льстивое услужение.

Они не отличались особым дарованием, зато с избытком было в них цепкого прагматизма и изворотливости. Ребята все рассчитали верно: растроганные льстивым вниманием отцы-командиры их ответно обласкали и, уходя на заслуженный отдых, назвали своими преемниками.

Задача «преемников» еще больше упростилась, когда пошла мода руководителей не назначать, а выбирать. Знали их в коллективе как ребят свойских и даже своих в доску, понадеялись, что с ними порядком поднадоевшая тихая размеренная производственная жизнь станет лучше и веселей, а потому и выбрали без проблем.

Жить действительно стало веселей...

Ребята оказались зело хваткие. И в смысле половчее схватить, урвать что под руку подвернется, и в смысле приспособиться, найти свою выгоду даже на догорающих останках родного производства.

И, надо сказать, были при этом ребята-начальники не очень и жадные. Не тянули одеяло исключительно на себя. Даже наоборот, приглашали некоторых других вместе с ними покопаться на догорающем пепелище в поисках золотых зернышек.

В число этих других был приглашен однажды и он, Перевалов.

Как-то раз один из ребят-начальников перехватил Перевалова в полумраке коридора и под локоток увлек его к себе в кабинет.

Молодой начальник долго и пространно рассуждал о том, как резко вокруг все меняется, что старое, слава Богу, уже не возратить, что жить надо сегодняшними реалиями, в которых рынок правит бал и всюду – деньги, деньги, деньги, всюду деньги без конца, а потому, волей-неволей, приходится вписываться, вживаться в новые условия, если, конечно, хочешь жить по-человечески, а не прозябать в ожидании мизерной зарплаты. Перевалов никак не мог понять, к чему тот клонит, а начальник уже переключился конкретно на него и стал сокрушаться, о невостребованности его конструкторского таланта и опыта, которым можно было бы, если постараться, найти достойное применение.

«В общем, Николай Федорович, – испытующе и со значением посмотрев на Перевалова, сказал начальник, – не хотелось бы вам заняться настоящим делом?»

Как дальше выяснилось, под «настоящим делом» подразумевалось создание некоего товарищества с ограниченной ответственностью, где Перевалову отводилась роль технического директора.

Чем будет заниматься новорожденное ТОО, а в нем – он, Перевалов, начальник объяснял прямо-таки эзоповским языком. Из напущенного словесного тумана Перевалов кое-как уяснил для себя, что ему предлагается перелицовывать или подгонять под нужды и вкусы потенциальных (скорее всего зарубежных) заказчиков имеющиеся в КБ разработки с целью выгодной их продажи.

Боже мой! – ужаснулся Перевалов. – Продавать то, что береглось когда-то, как зеница ока, как часть национального могущества и как его честь, наконец!...

«Николай Федорович, – посмотрел на него, как на идиота, начальник, – я же вам говорю: рынок, все – на продажу, от презервативов и гвоздей до космической техники и грудных младенцев. Нормальный бизнес...»

Над предложением Перевалов обещал подумать, и еще несколько дней в висках его билась-пульсировала, словно невидимый птенец изнутри пытался проклюнуться через скорлупу черепной коробки, фраза – «все на продажу!» И чем настойчивей стучалась она, тем отчаянней протестовала душа Перевалова. Его воспитывали на совсем других моральных ценностях и понятиях. С детства ему внушали, что общественное благо и достояние выше личного, что раньше думай о родине, а уж потом о себе. Поэтому ему и в голову не могло прийти торговать государственными тайнами (а именно к таковым большинство разработок в Переваловском КБ и относилось).

Но у теряющего последние лохмотья государства тайн оставалось все меньше. А те, что пока еще не были проданы, ждали своего покупателя. И Перевалову предлагалось готовить этот необычный товар к продаже.

После бесед с ребятами начальниками бросало Перевалова то в жар, то в холод. Не от страха, нет. Чего бояться? Не в пример прежним временам, нынче никто никого ни за что (если не считать бандитских разборок) не преследовал, ибо ни воровства, ни спекуляции, ни измены с предательством не было просто по определению – везде один сплошной бизнес. Знобило от самой мысли, что ему, быть может, придется окунуться в зловонное топкое болото. Вся жизнь Перевалов знал, что родину, как и мать, не выбирают, что ею не торгуют, а, напротив, заботятся об ее защите и безопасности, и вот...

От этих мыслей Перевалов слег в постель. Трудно засыпая, он видел один и тот же сон. Будто живет он с отцом и матерью на какой-то, вроде бы, заимке. Вокруг тайга, и лихие людишки пытаются захватить их дом. Но не могут. Крепки запоры в воротах, хорошо и метко бьет отцово ружье. Тогда главарь шайки начинает уговаривать Перевалова открыть запор, выкрасть и передать ему ружье за красивые зеленые банкноты. Денег таких Перевалов в руках отродясь не держал, а страсть как хочется, поэтому – была не была! – глубокой ночью совершает он то, чего так жаждет разбойничий атаман. Шайка врывается в дом, защититься родителям нечем. Перевалов видит, как главарь с хищной акульей улыбкой переводит ружье с отца на мать и с ужасом, в липком поту просыпается...

К моменту выздоровления Перевалов твердо решил сказать ребятам-начальникам на их предложение категорическое «нет». Он даже прорепетировал нелегкую для него сцену и представил, как вытянутся у этих беспринципных деляг физиономии, когда он скажет им все, что о них думает. Но готовился он напрасно. Новое randevu не состоялось. Более того, ребята-начальники старались попросту не замечать его присутствия. Если ненароком и сталкивались с ним в коридорах КБ, то смотрели мимо, насквозь, будто его и не было вовсе. И Перевалов понял, что возвращаться к начатому разговору они не станут, что раскусили и вычислили его еще в первую их встречу. Рыбак, как говорится, рыбака... И не рыбака – тоже!

Николай Федорович почувствовал облегчение – неприятное это дело решалось как бы само собой. В то же время самолюбие его было уязвлено. И не из-за того лишь, что ему предлагали стать соучастником грязной и подлой игры. Убедившись, что рассчитывать на него не стоит, его просто забыли, стерли из памяти, перестали видеть в упор. Его никто не утешал,

не применял к нему санкций – ничего такого, Боже упаси! Но уже не существовало и прежнего Перевалова. Чем дальше, тем больше чувствовал себя он бесплотным фантомом, на которого, кто и натывается случайно, таращится с боязливым изумлением – уж не тень ли это того самого Перевалова?

На носу был Новый год. В КБ по новомодным веяниям ввели контрактную систему. Каждый служащий теперь обязан был подписать договор-контракт на ближайший год, в котором расписывались его обязанности и права.

Перевалову контракта никто не предложил. Когда он попытался выяснить у начальника КБ – почему, тот с ледяной улыбкой сказал, что в нынешних условиях им больше необходимы люди молодые, энергичные, современно мыслящие, умеющие ориентироваться в быстро меняющейся обстановке, лишённые застарелых комплексов.

Про молодость и энергичность Николай Федорович пропустил мимо ушей – какой же он старик, если ему за полвека еще только-только успело перевалить. А вот все остальное действительно было про него.

Перевалов понял, что это – приговор. В таких случаях почитают за благо написать «по-собственному». Но рука не поднималась. Как жить дальше, что делать, чем заниматься за стенами КБ, он не представлял. И к этому, несмотря на то, что нутром давно ощущал возможность расставания, готов не был.

Жена к назревшему в его судьбе повороту отнеслась двояко.

«Дурак ты, Перевалов! – сказала она в сердцах, узнав о предложении ребят-начальников. – Такой шанс упустить! И когда ты перестанешь быть идеалистом? Сейчас, Перевалов, время прагматиков и циников. Без этого сегодня не выжить».

Наверное, он права, попытался согласиться Перевалов, но тут же подумал, что же тогда делать ему, идеалисту, в стране прагматиков и циников? Учиться их повадкам? Видимо, это и подразумевала жена...

«Но, может, и к лучшему, – тут же и успокоилась жена. – Давно уже было пора плюнуть на ваш загибающийся КБ и поискать себе чего-нибудь попроще. Только ты „по-собственному“ не уходи, – посоветовала практичная супруга. Пусть они тебя сократят. Тогда сможешь на бирже зарегистрироваться и получить пособие. У нас уже некоторые так делали...»

Но «сократиться» Перевалову не удалось. «У нас не сокращение, а обновление, – сказали ему. – И вы – не вписываетесь». Пришлось подавать «по собственному».

10

Первые после увольнения дни Николай Федорович ходил в каком-то полубморочном состоянии и походил на снулую рыбу. Слова, звуки доносились до него словно через толстый слой ваты, а лица людей, предметы вокруг словно из густого тумана выплывали. Перевалов валялся целыми днями на диване, ловя на себе встревоженные взгляды домашних. Внутри было пусто, а сам он, будто оборвавшийся лифт, с нарастающим ускорением обрушивался в эту пустоту.

Но прошло время, падение прекратилось, туман рассеялся, предметы обрели очертания, звуки – отчетливость... Переживания переживаниями, но надо было что-то предпринимать. Очнувшийся мозг услужливо напоминал о том, что под лежащий камень... А еще притчу о двух лягушках, попавших в кринку с молоком. Участь лягушки, утонувшей из-за собственной пассивности, Перевалова не устраивала, да и как-то привык он за многие годы чувствовать себя кормильцем семьи, а посему решил браться за поиски нового места под сегодняшним неласковым солнцем.

Дело это, особенно для него, Перевалова, имевшего всего одну-единственную запись в трудовой книжке и никогда не менявшего профессии, оказалось архисложным. В их огромном промышленном городе две трети трудоспособного населения работало в оборонке. Но ее предприятия в последнее время, словно какой-то страшной эпидемией охваченные, чахли одно за другим, отхаркивая толпы оставшихся не у дел своих работников. Перевалов сталкивался с ними на улицах, в коммерческих киосках, в общественном транспорте, где то и дело вспыхивали конфликты кондукторов с зайцами, оказывавшимися по большей части бывшими итээровцами с оборонки. Они попадались ему всюду. И больше всего – на бирже труда.

В первый раз Перевалов забрел сюда, испытывая сильное внутреннее сопротивление. Само понятие – биржа труда, где идет постыдная купля-продажа рабсилы – ассоциировалось у Перевалова с «их нравами» и загнивающим капитализмом, который, не успев догнать там, «за бугром», переместился сюда, к ним. Да и в слове «безработный» чудилось ему что-то постыдное, сравнимое с бомжами или нищими.

Однако не обнаружил на бирже Перевалов ни тех, ни других. Вполне приличная публика здесь толкалась, изучая официальную информацию о вакансиях и обмениваясь собственной. Попадались и знакомые ребята. И чем дальше, тем больше нравилось Перевалову заходить сюда. Было тут что-то вроде клуба по интересам, где собирались такие же, как он, бедолаги и осколки прежней жизни, ругающие на чем свет стоит и треклятую нынешнюю действительность, и полупьяного кормчего с командой жадных недоумков, которые их всех в эту жизнь затащили.

Походы на биржу, как ни странно, приносили Перевалову, несмотря на их практическую бесполезность (во всяком случае, на результаты поиска работы они никак не влияли), некоторое облегчение. Теперь, по крайней мере, он видел и знал, что не одинок в своих бедах, что не только его судьба вышвырнула за борт. И это несколько утешало. Но не надолго. Лишь до той поры, пока снова не вставал вопрос о хлебе насущном.

Очень быстро Перевалову пришлось убедиться, что не только его собственная профессия, а с ней и вообще итээровская братия, сегодня не в цене. Не жаловал рынок труда и разных там слесарей-токарей, и представителей прочих пролетарских специальностей. Требовались теперь все больше финансисты, продавцы да охранники, менеджеры да экспедиторы с личным автотранспортом...

Но вот что заметил Перевалов, общаясь на бирже, читая объявления в газетах, на заборах и подъездах: народ пускался во все тяжкие, пытаясь выжить, приспособиться, найти какие-

то новые, нетрадиционные способы существования. Но касались они в основном, как любил говаривать герой знаменитого сатирического романа, сравнительно честного отъема денег.

Перевалов раскрывал очередную газету и в разделе частных объявлений читал:

«Предлагаю эффективные способы борьбы с похмельем...»

«Вышлю рецепты от гемороя, выпадения волос, полового бессилия, а также заговоры от зубной боли и запоев...»

И вообще за энную сумму, вложенную в конверт с обратным адресом, предлагались рецепты на все случаи жизни. В том числе брались подсказать, как завладеть «без особых затрат и усилий» миллионом или «заработать на дому пятьсот, тысячу и более» денег в валюте за месяц.

Иной раз, изучая рекламное творчество, Перевалов начинал сомневаться, а есть ли она, проблема занятости населения? Ведь столбы и заборы пестрят от объявлений, предлагающих «частичную и полную занятость» и при этом «высокий заработок, свободный график», «возможность роста».

Живое воплощение этой распрекрасной работы являли собой косяки энергичных и страшно коммуникабельных молодых комивояжеров с большими полиэтиленовыми пакетами в руках, которые каждому встречному заступали дорогу и с обворожительной улыбкой «почти за бесценок», «в честь дня рождения президента их фирмы» пытались всучить свой товар, оказывавшийся в ближайшем магазине и качественней, и дешевле.

Перевалову было немного жаль этих ребят, вынужденных ради своего маленького бизнеса с комариной назойливостью хватать встречных-поперечных за полу с сомнительными предложениями, но где-то в душе и завидовал им – таким раскрепощенным, незакомплексованным, напористым.

Разного рода умельцы тоже предлагали свой товар на рынке труда. Могли лоджию застеклить, собаку выдрессировать, уроки за лодырей сделать, а дураков набитых – в вуз за уши втащить, и даже произведение изящной словесности могли по желанию клиента изладить. Так, в очередном рекламном объявлении Перевалов наткнулся на следующее: «напишу по заказу эпиграмму, пародию, поздравление, шарж, каламбур, эпитафию и т. д. Высокое качество гарантирую. И дальше шло в стихах:

Генератор я идей,
Коль не веришь,
Так проверь.
А горючим служит мне
Ясный месяц при луне
И, конечно же, работа
До седьмого, друг мой, пота,
Или творческий заказ,
Вдруг полученный от вас...

Надо же! – удивился тогда Николай Федорович и подумал, а не создать ли и ему какую-нибудь фирмочку. Но тут же и остудил себя. В отличие от автора объявления, он не считал себя генератором идей. Хороший разработчик, Перевалов обычно доводил до логического завершения идеи других, придавая им технический блеск и конструкторское изящество. И никогда раньше не тяготился этим, поскольку был убежден, что творчество – дело коллективное.

Изучение рекламной информации помогало Николаю Федоровичу узнавать много нового и неожиданного в современной жизни. К примеру, с легкой руки старорежимного классика Перевалов привык считать, что в его стране две глобальных беды – дураки и дороги. Реклама же со страниц прессы, в теле- и радиоэфире, с бумажных клочков самодельных объявлений

на столбах и заборах страстно убеждала, что карие, перхоть и ожирение – вот суперпроблемы, важнее которых нет сегодня ничего на свете. Особенно, понял Перевалов, актуально и опасно для их давно забывшего о регулярном приеме пищи населения именно ожирение. С каждого столба неизвестные доброхоты уговаривали его сбросить кто от четырех до двенадцати за тридцать дней, а кто двадцать семь кило за месяц. И все это «легко и безопасно», «очень комфортно», с помощью некоего чудодейственного напитка, который «пьешь и худеешь». Перевалову даже как-то неловко стало, что он по причине отсутствия лишнего веса не может воспользоваться такими замечательными предложениями. Да он, пожалуй, и сам мог бы предложить чрезвычайно простой и широко доступный, но не менее эффективный способ похудения – всего-то и надобно, что остаться без зарплаты и работы, если б и без него «рецепт» этот не был знаком до боли широким (еще вчера трудящимся) массам.

Изучая с помощью рекламы проблему трудоустройства, Перевалов обратил внимание на один немаловажный момент: предложения о работе явно превышали спрос, и предлагавшие себя стремились показаться в самом выгодном свете. Кроме обычного – «пунктуален, энергичен, сообразителен», некоторые обращали внимание будущих работодателей и на какие-то свои довольно специфические достоинства. «Умею молчать, не задавать лишних вопросов», – сообщал некто ищущий высокооплачиваемую работу, явно намекая, что за хорошие деньги будет и сам нем, как рыба, и для других станет могилой чужих секретов.

Продавали не только свои способности, таланты, деловые и прочие качества, но и самих себя с потрохами. Особенно старались молодые особы. Красивые девушки, успевшие устать от «неустроенности бытия и житейских проблем», сообщали всем заинтересованным лицам, что очень нуждаются в «состоятельном друге». И сей мотив, варьируясь в зависимости от вкуса и фантазии авторов, звучал во множестве объявлений.

«Ищу самостоятельного любовника (желательно холостяка и не лысого)». «Редкий драгоценный камень, нуждающийся в хорошей оправе, ищет романтического, немного взбалмошного ювелира, имеющего, кроме денег и приличия, еще и чувство юмора». «Хорошенькая женщина ищет богатого спутника жизни. Скупердьям просьба не беспокоить». «Стройная, симпатичная блондинка хочет нежности, ласки и прекрасного отдыха с солидным бизнесменом у него на квартире»...

У Перевалова подрастала дочь, и он думал, что не дай-то Бог и ей когда-нибудь оказаться в числе подательниц подобных объявлений.

Хотя продавали себя не только девушки. Был и встречный поток предложений. Некий «молодой человек без комплексов желал бы познакомиться с состоятельной женщиной для интимных встреч у нее». Он при этом не скрывал, что женат, а, стало быть, просто пытался таким вот «нетрадиционным» способом пополнить семейный бюджет. А вот «состоятельный мужчина среднего возраста хотел бы наладить свою личную жизнь с девственницей, не обременяя себя брачными узами». Ну, чем не «спонсор» для уставших от жизни девушек, желающих выгодно продать свою молодость!

Не имелось у Перевалова ни денег, чтобы купить для похотливых утех молодость, ни самой этой, с радостью готовой продаться молодости, не было вообще не было ничего такого, что можно было бы обратить в выгодный товар, а потому куда ближе и понятнее были ему объявления иного рода, где, например, с горькой обреченностью сообщалось, что «учительница математики ищет любую работу с заработком, позволяющим выжить».

И больно, и стыдно было читать это. Больно за честных граждан, не научившихся воровать, торговать и ловчить, а потому вынужденных влачить нищенское существование и омерзительно-стыдно за тех, кто довел их до такого униженного состояния – за корыстолюбивое чиновничество всех мастей, за бессовестных демагогов во власти, стоящих исключительно собственных интересов, за смрадно-торгашескую нынешнюю атмосферу, где всё – на продажу, где, задыхаясь без духовного кислорода, корчится в судорогах «разумное, доброе, вечное»...

Изучение рекламной информации Перевалову никакого практического результата не дало. Разве что удушливых выхлопов от этого чадящего и смердящего «двигателя торговли» нахватался до тошноты. Надо было искать что-то самому. А пока – суть да дело – стал Перевалов ходить на «общественные работы».

Из желающих на бирже труда сколачивались бригады, выдавались им оранжевые жилеты дорожников и отправляли на уборку улиц. Женщины собирали в траурно-черные полиэтиленовые мешки мусор с газонов и тротуаров, подбеливали деревья и бордюры, мужчины соскребали лопатами с обочин и бордюров грязь, ремонтировали в сквериках и бульварах ограды и скамейки, искореженные дурной энергией юных балбесов на ночных тинейджерских посиделках.

Платили за эту нехитрую работу скудно и, как и везде, с задержками, но иного в руки пока ничего не шло и в перспективе не просматривалось, а потому приходилось, скрепя сердце, соглашаться и на это.

Поначалу Николай Федорович сильно стеснялся своего нового положения, поминутно озирался на улице, не видит ли его кто из знакомых – трудились-то в своем районе, но скоро успокоился: народ в бригаде собрался образованный – в основном такие же итээровцы да служащие. Среди них он не чувствовал себя белой вороной.

Но все-таки временно это было, ненадежно. И средств к существованию давало слишком мало. Не говоря уж об уязвленном до кровотокащей и незаживающей болячке самолюбия.

Хорошо еще, что дача спасала...

11

Ну, дача – это, пожалуй, слишком громко. Так, четыре сотки, а на них слепленная из чего попало халабуда и тесенький – стоячий, потому что присесть в нем было уже проблемой – туалетишко.

Перевалова прежде никогда особо к земле не тянуло. Городской был человек. На природу выехать с отделом, шашлычки на опушке у тихой речки пожарить – это другое дело. А пропадать на огороде все выходные, стоять раком на грядках, обливаясь потом, – увольте! Проще было на базаре купить. Хватало, к тому же, и общественных сельхозкампаний, когда бросали на уборку то картофеля, то свеклы, то морковки, то еще чего-нибудь, чтобы в это же время дать селянам заниматься собственными огородами. Как они там ими занимались, Перевалов не знал, так как видел раза три в день только бригадира, который утром, отравляя пространство на гектар вокруг не до конца перебродившим вчерашним самогоном и переводя некоторое время в порядок свой вестибулярный аппарат, давал им задание на день, отмеривая взмахом заскорузлой руки сектор от собственных кирзачей в исходной точке до туманной полосы на горизонте, днем, ближе к обеду, заглядывая городским просительным в глаза, искал спонсоров на очередное возлияние, а к вечеру, благоухая свежееупотребленным зельем, был счастлив, любил все человечество, и за дополнительную емкость готов был закрыть глаза не только на то, что половина картошки после «ударного» труда горожан осталась в поле, но и на само – будь оно неладно – поле.

Ничего, кроме отвращения к земле, эти сельскохозяйственные десанты не вызывали. Оттого, наверное, и садовый участок, который ему не раз по линии месткома предлагали, был ему на дух не нужен.

Но верно говорится: все течет, все изменяется. Для удовольствия поковыряться на собственных грядках участок Перевалову действительно не был нужен, но когда толком ни работы, ни зарплаты, на тот же самый клочок земли совсем по-иному взглянешь...

В общем, когда как следует залихорадило и стало ясно, что к лучшему ничего меняться уже не будет, что надо искать, чем поддержать свое незавидное существование, Перевалов решил. Он вступил в садоводческое общество с лирическим названием «Исток», заплатил первые взносы и на исходе мая, когда после затяжных дождей выглянуло солнце, отправился осматривать свои землевладения.

Добираться до места пришлось долго. Сначала полтора часа на электричке, потом еще минут сорок разбитым колесами, тракторными гусеницами, чавкающим под ногами вязкой грязью проселком. Но было ясно, тепло, и это поднимало настроение. Да и шел Перевалов далеко не один.

Колонна людей с рюкзаками, ручными тележками, сумками, лопатами растянулась на несколько километров. Такого массового выхода на сельхозработы в прежние времена никакая организация не смогла бы обеспечить. Зато теперь вот шагали, несмотря на хлябь, бодро, воодушевленно, как на праздничной демонстрации, и казалось даже, что вот-вот взорвется-грянет над головами радостная, задорная песня. Да и то: шли ведь не на казенные барщины время отбывать, а свою собственную целину-залежь подымать, свою землю-кормилицу обихаживать. Оттого и душа была светла, и руки зудели, просили честных крестьянских мозолей.

«Вот что значит работать на себя, а не на дядю!», – глядя на это шествие итээровцев, научных работников, учителей, врачей, культработников (а в основном это им отвели уголья в здешних местах), поддаваясь общему порыву, расслабленно думал Перевалов и вспоминал известные ему еще со школы строчки поэта-громовежца: «землю попашет – попишет стихи».

Правда, тут же и червячок сомнения румяное яблочко его оптимизма начинал точить: разве ж это нормально, что, вместо того, чтобы сосредоточиться на своем профессиональном деле, люди мечутся между письменным столом, классом, лабораторией, больницей, сценой и грядками с морковкой, луком и редиской, не зная толком, как и что туда воткнуть?

На месте оказалось, что сразу нескольким новорожденным садоводческим обществам выделено одно большое, гектаров на сто с лишним, брошенное совхозное поле. До самых колков оно густо поросло высоким, по грудь, жестким грязно-серым, как недельная бомжеская щетина, бурьяном. Поле это много лет подряд, без передышки, доводя до полного истощения, засевали то овсом, то кукурузой, то еще какими-то злаками, нещадно травили пестицидами и гербицидами, а теперь вот, когда даже таким варварским способом содержать его стало не под силу (ни техники, ни горючего, ни людей, ни, главное, денег, чтобы это все иметь), когда высали из поля практически все соки и фактически угробили, превратили в сорную пустошь, решили сбавить его вовремя подвернувшимся горожанам да еще и умудриться при том себе и ручку позолотить, лупя деньги с доверчивых урбаноидов за аренду земли, за пахоту, после которой лопата в борозду не втыкается, за то, за се...

Ликующее шествие новоявленных землевладельцев притихло, сгрудившись на кромке, приуныло. Но ненадолго. Откуда-то появились люди с землемерными саженями, рулетками, охапками пограничных колышков. Народ заволновался: начиналось самое сложное и интересное – разметка земельных участков.

«Ну, начнем, што ли!» – сказал некто небритый, в заштопанной телогрейке и стоптанных сапогах, сам очень похожий на лежащую под его подошвами почву, и процесс пошел.

Шел он нервно, с драматическими коллизиями и накалом страстей. Поле было хоть и бросовое, но имелись на нем участочки и получше, и похуже. Последних – гораздо больше. И они, разумеется, никому не были нужны. А потому грозовая атмосфера возникла сразу же, как только циркуль землемера шагнул вглубь поля.

Мерили и размечали, время от времени хватая друг друга за грудки, а порой теряя не только интеллигентный, культурный, но и вообще человеческий облик, до самого вечера.

Перевалов в общей сваре не участвовал. Он бродил по травянистой дороге вдоль поля, заходил в лесополосу с непросохшим ковром прошлогоднего палого листа, издали наблюдал за клубящимися вокруг землемера с аршином человеческим роем, и от утешного радостного возбуждения не оставалось и следа. «Неужели любой выбор должен сопровождаться озвучиванием и осатанением? Неужели наступить на горло себе подобному – единственный способ выжить?» – с горечью думал Перевалов.

Участок Перевалову достался прямо у дороги, по которой он бродил весь день. С этого края надел был изрядно побит тяжелой тракторной техникой, а местами утрамбован колесами так, что только динамитом его брать. Но что делать, если не участвовал в баталиях дележа, если не пускал юшку соперникам в борьбе за свое землевладельческое счастье!..

Да и некуда было отступать. В КБ дела шли все хуже, все реже и жиже становилась зарплата. На одну лапшу денег иной раз только и хватало. А подрастающим детям требовалось полноценное питание с овощами и витаминами. Так, по крайней мере, твердила жена, подталкивая Николая Федоровича к огородной его саге. Сама же супруга участвовать в ней после двух-трех изнурительных поездок в вечно битком набитой электричке иковыряния на открытом всем стихиям поле категорически отказалась. Поэтому Перевалов поднимал свою целину один. И даже рад был, что жена перестала с ним ездить: хватало ему упреков и недовольства дома.

Перевалов вставал затемно, шагал пешком на вокзал и на первой электричке мчался на свой, обозначенный двузначной цифрой, «километр». Ну «мчался», конечно, преувеличение. Скорее – полз в гремучем, словно консервная банка, вагоне, стиснутый со всех сторон такими же, как он, досыпающими на ходу, стоя, как лошади, дачниками. По дороге от плат-

формы до поля Перевалов развеивался на бодрящем утреннем воздухе, но окончательно приходил в себя, когда втыкал лопату в землю.

Труднее всего было попервой. Искореженную техникой неудобичу железный штык лопаты никак не хотел брать. Семьдесят семь потов пролил Перевалов, пока расковырял придорожных пол-участка. Дальше пошло легче. И сноровка появилась, и земелька вроде бы податливой стала. Правда, если честно, ее и с самого начала-то можно было на пуп не брать. Не раз подкатывали к Перевалову местные механизаторы и предлагали как следует вспахать участок. Делов – на двадцать минут, и уже многие вокруг воспользовались их услугами. Но на деньги, которые они запрашивали за работу, можно было переваловской семье при нынешнем ее состоянии прожить чуть ли не неделю, поэтому Николай Федорович каждый раз отказывался, еще яростней вгрызаясь в неподатливый грунт.

Положение осложнялось тем, что почва была буквально нашпигована длинными, белыми перевитыми корнями сорняков. И прежде чем перевернуть очередной пласт, Перевалову приходилось опускаться на корточки и, перетирая землю, выбирать эти белые противные щупальца.

Когда наконец все было перекопано, грядки возделаны, семена посажены, появилась другая проблема – вода. Общественный садоводческий водопровод был пока что лишь в проекте, а поливать грядки в установившуюся после дождливой весны жару требовалось сейчас, немедленно и регулярно. Источник же на всю округу был единственный: протекавшая в километре от переваловского участка речушка в полтора шага шириной.

Ее то Перевалов и использовал для полива. Он вырубил в лесополосе молоденькую осинку, сделал по концам ее засечки-углубления для ведерных дужек, и теперь на этом импровизированном коромысле (настоящего в его городской квартире отродясь не водилось) носил воду на огород. В парусиновых шортах и сложенной из газеты треуголке на голове, с вымазанными по щиколотки речным илом ногами, он издали, когда поднимался с полными ведрами на плечах от ручья, походил на трудолюбивого китайца с классических акварелей Поднебесной.

Огород оставался не единственной заботой Перевалова на фазенде. Надо было еще и как-то обустраиваться. Кто пошустрее да с машинами к осени уже и домишками обзавелись. Перевалов смотрел на них с завистью, да только куда уж ему!.. Однако какую-то городушку слепить все равно было необходимо: переодеться там, инвентарь хранить или просто от дождя спрятавшись. Но не везти же стройматериал из города, да и покупать не на что.

Выход подсказал сосед, трудолюбиво, как муравей, таскавший из лесополосы и окрестных колков осиновые бревешки. Он выпиливал их прямо на месте, а потом перетаскивал к себе на участок.

Перевалов последовал его примеру, и сообщая, помогая друг другу, они сколотили себе по балаганчику, крытому жердями с набросанными на них кусками толя и гофрированного упаковочного картона.

«Н-да... – вздохнул сосед, критически оглядев строения, – как у робинзонов».

Николай Федорович согласился с ним, но подумал, что есть в том, что балаганчик похож на хижину потерпевшего кораблекрушение, и своя прелесть, и свой смысл: ну, чем не укромный островок в сотрясаемом жестокими житейскими штормами море!

И очень быстро Перевалов привязался к своему островку, находя здесь душевный покой. Особенно нравилось ему посидеть в открытом проеме двери, на порожке хижины после нелегкого трудового дня, незадолго до того, как двинуться к электричке, оглядывая окрестные дали, с удовольствием вдыхая настоящий на травах воздух, перекинуться несколькими незначительными фразами с сидящим в той же умиротворенной позе соседом, лениво отмахнуться от назойливого паута... Это были минуты настоящего счастья.

Труд достойный китайца на рисовых плантациях, жаркое солнце, омрачаемое редкими грозами, постоянное недосыпание, скудный паек обычно состоящий из ломтя хлеба и пары яиц

и каждодневные многоверстные путешествия до фазенды и обратно Перевалова подсушили, подсократили в объеме, сделали юношески стройным. О том, что это все-таки не юноша, говорили темные круги под запавшими глазами, заострившиеся скулы и нос, обтянутые задубелой шелушащейся кожей и седеющая щетина на щеках и подбородке (чаще всего и побриться некогда было).

Но труд оказался не напрасным: земля хоть и неохотно, но воздавала пока еще неумелой, неопытной и, наверное, скуповатой, по ее разумению, руке новоявленного земледельца. Удобрить бы – тогда б ни ей, земельке, ни хозяину цены б не было. Но за навоз те же совхозные механизаторы драли еще больше, чем за пахоту, а суперфосфат в хозтоварах продавался по цене золотого песка, и Перевалову ничего не оставалось делать, как понадеяться на удачу. И она от него не отвернулась. Вошел укропчик, пошла редисочка, прочикался и весело зазеленел стрелками лучок. На огурцы с помидорами Перевалов в первый сезон замахиваться не стал – дело непростое, подготовка нужна, а вот всякую там свеклу-редьку, морковь да фасоль с кабачками – посадил. И кое-что собрал. Во всяком случае, за редиской и укропом летом на базар не бегали, и по осени на столе самые необходимые овощи тоже были.

Первые результаты воодушевили Перевалова. Перекопав на зиму свой участок, он с нетерпением стал ждать нового огородного сезона. И заранее к нему готовиться. Запас с осени земли на рассаду (со своего же «Источка» и пер на себе ее целый рюкзак), песочку, золы. Всю зиму собирал вошьенные тетрапаки из-под молока (услышал, что они очень хороши для выращивания рассады), а в конце марта высеял в них семена помидоров и перцев. Импровизированными горшочками Перевалов занял все подоконники, ухаживал за ними, как за младенцами, вызывая скепсис и раздражение жены, убежденной, что с такими стараниями и нежностью лучше бы выращивать другую «зелень», на которую можно купить и овощи, и все остальное. Тем более что для такой «зелени», втолковывала она неразумному супругу, климат сейчас самый благоприятный.

Да что ему, ретрограду упертому, это на пальцах доказывать! Вот положит она денежки в какой-нибудь банк, а потом ка-ак получит кучу процентов, какие зазывно обещают в рекламе многие финансовые учреждения!.. А их вон сколько развелось – глаза разбегаются! Не банк, так пирамида, или «фонд» какой-нибудь. И у каждого – предложения одно другого заманчивее. Он, банк то есть, завораживала вездесущая реклама, «ваш сильный и добрый друг», который «каждую песчинку вашего вклада превратит в жемчужину». Перевалов, посчитав, что сами по себе, не вложенные в какое-то реальное, конкретное дело, деньги прибавить в весе не могут, от выращивания сомнительного жемчуга наотрез отказался. Зато жена, плюнув на своего неизворотливого супруга и собственную полузадохшуюся бюджетную синицу в виде смешной по нынешним временам и нерегулярной к тому же зарплаты детсадовского воспитателя, отправилась самостоятельно ловить банковского журавля. Тем более что и сложностей тут вроде бы никаких не предвиделось: надо было просто отдать свои кровные и ждать, когда в скором времени заколосятся обещанные проценты. И мадам Перевалова в точности повторила наивного деревянного мальчишку из сказки, зарывшего свои золотые на Поле Дураков. Была у нее заначка на черный день, хоронившаяся в тайне от мужа, которая теперь вот и перекочевала в ненасытное чрево очередного, на глазах раздувающегося финансового клопа...

Перевалов тем временем продолжал огородную эпопею. Рассада ему удалась. Но пришла пора ее перевозить, и это оказалось сущим мучением. Перевалов составлял вытянувшуюся до полуметрового роста рассаду в картонные коробки из-под сигарет, которые подобрал возле ближайших ларьков, обвязывал их веревками, просовывал сверху палочки вместо ручек, и тащил все это – в каждой руке по коробке – несколько кварталов до электрички. Громоздкие коробки тащить было тяжело, неудобно, а тележку купить своевременно Перевалов не удосужился. Но еще хуже было в электричке. На их платформу с вокзала приходила она уже полной, и вместе с толпой дачников ее приходилось брать штурмом. Но и в вагоне облегчения

не наступало. Коробки мешали пассажирам, о них запинались, в сердцах пинали, на Перевалова сыпались оскорбления, а, бывало, и угрозы выкинуть к чертовой матери вместе с рассадой. Но это было не страшно. Все тут ругали всех, и никто ни на кого не обижался.

Когда же, обруганный с головы до ног, полураздавленный толпой Перевалов выбирался наконец из электрички, он сразу же бросался проверять свою рассадку – цела ли! Без потерь не обходилось – обычно после каждого такого рейса приходилось выкидывать несколько измятых или сломанных кустика. От жалости к этим, ставшим для него почти родным существам, у Перевалова закипали слезы. Но он брал себя в руки – предстоял еще трудный пеший путь до «Истока»...

Упорство и труд – все перетрут!... Особенно если и опыт есть, и умение появилось.

Второй огородный сезон складывался для Перевалова тоже удачно. Лето было теплое, в меру дождливое. Овощи перли, как на дрожжах. Николай Федорович радовался – земля ему воздавала.

Правда, омрачали его радужное состояние некоторые моменты. С деньгами в семейном бюджете становилось все хуже, а тут, как назло, железнодорожному ведомству приспичило чуть ли не в два раза взвинтить цены на проезд в пригородном транспорте, хотя еще совсем недавно, нынешней весной, повышение уже было. Теперь Перевалову частенько приходилось ездить зайцем. Ему, честному до мозга костей, человеку это претило, он чувствовал себя (и не фигурально, а вполне реально) затравленным зайцем под невидимыми дулами охотничьих ружей. Особенно когда начиналась проверка билетов, и безбилетный народ, уходя от контролеров, начинал кочевать из вагона в вагон. Перевалов почему-то уйти вовремя не успевал и обычно представлял пред суровые контролерские очи. Его отчитывали, как нашкодившего школьника, ему было мучительно стыдно, он что-то блеял невразумительное в оправдание и еще больше краснел и терялся. Не раз его высаживали, и он, вместо того, чтобы, как другие, тут же перескочить в уже проверенные контролерами вагоны, оставался ждать по часу-полтора следующую электричку.

Но это бы еще ничего. Стыд – не дым, можно переморщиться. Да и не один такой Перевалов был. Толпами «зайцы» из вагона в вагон бегали. А некоторые, позубастее, и сами в атаку бросались: такие скандалы, горячо поддерживаемые обозленной вагонной общественностью, контролерам закатывали, поминая при этом недобрым словом все власти, включая президента, что блюстителю оплачиваемого проезда спешно и позорно ретировались под свист и улюлюканье готовой к расправе толпы.

Куда хуже было то, что стал Николай Федорович замечать на огороде своем пропажи. То огурчики, которые он оставлял на вырост до следующего приезда, исчезнут, то клубничкой кто-то вместо него успеет полакомиться, то покрасневшие помидорки снимут с куста...

Подумал сначала – ребятишки балуют. Но как-то странно было. Дети дачников всегда находились под родительским доглядом, а самостоятельно на воровской промысел ездить в такую даль вряд ли отважились бы. Да и зачем, когда у всех свое такое же есть? До ближайшей деревни тоже не близко, и там, опять же, свои огороды.

Воровали и у переваловских соседей. Одни предполагали, что это – бомжи, другие грешили все же на местных.

Перевалову «повезло»: однажды ему все-таки довелось столкнуться с грабителями.

Случилось это в начале осени. Перевалов успел убрать лук и зимний чеснок. Лук он рассыпал сушить на куске брезента, брошенного на земляной пол балаганчика. Рядом, на картонках, созревали в стручках бобы и фасоль. А в объемистую коробку Николай Федорович ссыпал несколько ведер удавшихся нынче на славу помидор. Начинались осенние дожди, и держать их на кустах не было смысла. Пару ведер он успел увезти домой, оставалось еще с пяток. Постепенно, потихоньку, как и другие овощи, он надеялся в скором будущем перевезти их тоже. Надо было еще выкопать картошку – а это мешка три, как пить дать, морковку, свеклу (ряс-

ные же они нынче уродились!), а в левом углу огорода белеют десятка полтора капустных кочанов – по первым заморозкам и за них надо браться. В общем, таскать ему было не перетаскать, горбатясь под двухпудовым рюкзаком. Но это была своя, приятная ноша, которая не тянула, а радовала.

И без того ездил Перевалов на фазенду довольно часто, а тут решил, что в период уборки урожая не худо бы наведываться каждый день. Даже в понедельник, который он обычно пропускал – не из суеверия, а просто потому, что это был самый удобный (как правило, все на своих местах) день для обивания порогов в поисках работы. В тот злополучный день как раз и был понедельник. Стояло ведро. Дорога подсохла, и Перевалов удовлетворенно думал, что если опять дождичек не закапает, идти назад с грузом будет одно удовольствие.

Уже шагая по территории «Истока», Перевалов увидел прямо по курсу, в сотне метров от себя, легковушку и не то две, не то три (третья то словно вырастала из земли, то как бы снова туда проваливалась) человеческие фигуры. У Перевалова от нехорошего предчувствия заныло под ложечкой. Он прибавил шагу. И чем ближе подходил, тем меньше оставалось сомнений: это его участок. Но кто там и что они делают? По какому праву и кто позволил?

С гулко колотящимся сердцем Перевалов остановился возле своей фазенды. Двое, спинами к нему, ковырялись в глубине участка, там, где росли морковь и свекла. Так и есть: один выворачивал вилами пласты с морковью, другой отряхивал ее от земли, обламывал ботву и складывал корнеплоды в мешок.

Скрипнула дверь балаганчика, и оттуда показался наголо стриженный щетинистый детина, прижимавший к животу коробку с помидорами. Не замечая Привалова, он, кряхтя, понес ее к машине, стоявшей чуть дальше балаганчика с открытым багажником.

Все это совершалось неспешно, деловито, в полной уверенности, что никаких помех нет и быть не может.

От беспардонной этой наглости у Перевалова помутилось в глазах.

«Что вы здесь делаете? Это мой участок, мой огород!» – закричал он, срываясь на фальцет.

Двое на грядках разом подняли головы и повернулись к нему. Третий, не дойдя шага до машины, так и застыл с коробкой.

Немая сцена «не ждали» длилась, однако, всего несколько мгновений. Воры тут же пришли в себя и продолжили, как ни в чем не бывало, начатое.

«Кто вы такие?» – снова закричал Перевалов, понимая, что вопрос глупый и риторический.

«Тимуровцы, не видишь, что ли! Помогаем тебе урожай собирать», – услышал он в ответ. На сей раз воры даже и обернуться не соизволили, а щетинистый детина с наглой ухмылкой демонстративно швырнул коробку в багажник и зашагал назад к балаганчику.

Перевалов беспомощно заозирался в надежде увидеть кого-нибудь из соседей. Никого, как назло, в этот утренний час понедельника не было.

Да что же это происходит? Да как же так?... Горбатишься, горбатишься, столько труда, пота, а какие-то подонки на твоих же глазах, твое кровное...

Волна гнева накрыла Перевалова с головы до пяток.

«Не смей! Вон с моего огорода! Во-о-он!!!»

Николай Федорович схватил валявшуюся под ногами узловатую коряжину и с налитыми бешенством глазами, тяжело дыша, зашагал навстречу наглецам.

Двое на грядках вскочили. Тот, кто подкапывал морковь, взял вилы наизготовку. У второго в кулаке сверкнул нож.

Пыл Перевалова стал остывать, но по инерции он продолжал надвигаться на обидчиков.

И вдруг что-то тупое и тяжелое обрушилось ему на голову. Свет померк в глазах, и Перевалов провалился в пустоту...

Очнулся он от запаха дыма и страшной головной боли. Открыв глаза, увидел перед собой участливое лицо соседа.

«Наконец-то!» – обрадовался тот.

Перевалова, как он сам потом догадался, подкосил детина, оставшийся в балагане. Ослепленный гневом, Николай Федорович на время забыл про него, не почувствовал во время за своей спиной и поплатился.

«Монтировкой он тебя! – уверенно констатировал сосед. И если б не шапочка на голове, тебе бы точно – кранты!»

Охая и опираясь на плечо соседа, Перевалов поднялся на ноги, повернулся к балагану и чуть заново не свалился от увиденного: на месте его хижины дымилась куча обугленных головешек – дочиста обобрав огород, даже не выстоявшиеся кочаны срезали, отморозки эти, убираясь восвояси, подпалили балаган.

Боль проломленной головы многократно усугубилась болью от увиденного. И Перевалов в яростном и бессильном горе своем утробно, по-звериному завыл...

С травмой черепа и сотрясением мозга Перевалов больше месяца провалялся в постели. Немного оклемавшись, подал заявление в милицию. В райотделе заявление приняли с большой неохотой. Сразу, мол, надо было, по горячим следам, да и то... А теперь вот ищи-свищи... Да и недосуг как-то огородными кражами заниматься. С убийствами да бандитскими налетами разобраться бы... Тут намеренно в соседнем садовом обществе целую крышу от дома увели – рифленое алюминиевое покрытие сняли, чтобы как цветной металл сдать, одни стропила только и остались. А вы огород... Тяжкие телесные при этом?.. А кто докажет? Надо было сразу к врачу за подтверждением бежать, справочку брать. Может, вовсе и не было никаких тяжких и телесных. Может, сам где за корягу запнулся да об камень башкой-то и навернулся... И вообще, мил человек, топал бы ты отсюда подобра-поздорову и не мешал серьезными делами заниматься. А заявление?.. Ну, если так хочется – пусть лежит. Однако гарантировать никто ничего не может...

Больше на фазенде своей, на взлелеянном им и уже питавшем его надеждами на будущее участке Николай Федорович не появился. Словно отрезало. Как оградить плоды рук своих от чужих посягательств, он не знал, а продолжать, как ни в чем не бывало, с тупым упрямством начатое, полагаясь на везение и авось, Перевалов тоже не мог – для него это было все равно, что пытаться согреть паровым отоплением квартиры морозной зимой улицу. Не грело, конечно, и сознание того, что тебя, не моргнув глазом, могут порешить за ведро моркови или несколько кочанов капусты.

Но долго еще снились Перевалову дымящиеся головешки догорающего балаганчика и чудился запах дыма. Долго еще вскакивал он среди ночи в холодном поту с воплем: «Во-о-он!..», пугая жену.

12

Нос к носу с наглым бандитско-воровским мурлом Перевалову пришлось некоторое время спустя столкнуться еще раз. Теперь уже – на барахолке или, как ее официально именовали, вещевом рынке.

Старый школьный приятель Перевалова (сидели когда-то за одной партой), тоже недавний инженер, весьма успешно, судя по его хвастливым рассказам, переквалифицировавшийся в челнока-коммерсанта, выслушав как-то при встрече жалобы Николая Федоровича на жизнь, предложил ему стать его компаньоном. Дело свое приятель расширял и нуждался в помощниках. Попробуй, сказал он, сначала в палатке поторговать, а как товар распродадим, поедем за новым за границу. Пока тебе – пять процентов от выручки, дальше – посмотрим, как дело пойдет.

После неудачной сельскохозяйственной эпопеи Перевалов был совсем на мели, поэтому с радостью согласился, даже не спросив себя, а сможет ли – ведь за всю жизнь коробка спичек не продал.

Торговая его карьера, впрочем, закончилась так же стремительно, как и началась...

Толкучка находилась на юго-восточной окраине города и начиналась сразу за трамвайным кольцом. По сути, это был еще один город, только торговый, состоящий из десятков палаточных рядов-улиц с бесконечной людской толчеей на них. В этом гигантском универмаге под открытым небом в палатках, контейнерах, с лотков и просто с рук можно было купить все – от шурупа и карандаша до собольей шубы и суперсовременного автомобиля.

Торговое место приятеля находилось довольно далеко от центрального входа, но народу хватало и здесь.

Приятель торговал в основном кожаными куртками и обувью. Первые дни, вводя Перевалова в курс дела, он рассказывал о товаре, его свойствах, ценах, о том, как преподносить товар покупателю, и Николай Федорович дивился, с каким знанием дела и вкусом приятель об этом говорил. И не только говорил, но и преподносил ему практические уроки. Он выкладывал перед покупателем курточку, распахивал ее, заставлял щупать и кожу, и подклад, и замкомолнию, он прикладывал ее к плечам покупателя, чуть ли не силком впихивал в рукава ошалевшего от такого натиска клиента и все говорил, говорил, говорил, вознося хвалу товару, пересыпая искрометную речь свою шутками-прибаутками и каламбурами. Он был похож в эти моменты на завораживающую пением своим мифическую сирену, на сказителя-кайчи, слагающего на глазах изумленного покупателя эпос о замечательной кожаной курточке, счастливый обладатель которой сможет почувствовать себя настоящим мужчиной, почти что былинным героем.

Подобная легкость контакта и общения Перевалова восхищала, но самому была недоступна. Перед покупателем он деревенел, как кролик перед удавом, во рту появлялась противная сухость, язык прилипал к нёбу, и слова выцеживались с трудом и мучением.

«Лапши им побольше вешай, лапши! Ля-ля, тополя и все такое... Особенно бабам. Они ушами не только любят, но и покупают», – наставлял приятель.

Перевалов, пересиливая себя, пробовал следовать советам. Но «лапша» получалась какая-то вялая, кислая. Покупатели недоверчиво косились на него и отходили. Мрачнел и приятель, видя это.

Перевалову становилось страшно неудобно, даже знобко, и он с тоской думал, что и здесь, наверное, не попадет в струю нынешней жизни, что и тут ему – не климат. И завидовал и приятелю своему, и соседям по торговому ряду, таким же, как успел понять, сродни ему, итээровцам, сумевшим перестроиться на новый лад и найти себе новую нишу.

Так промучился Перевалов с понедельника до пятницы, а в пятницу случилась беда.

Как обычно, рано утром они с приятелем прибыли на свое торговое место, раскинули палатку, разложили товар.

«Сегодня поработаешь один, – огорошил вдруг приятель, – а мне надо контейнер с товаром получить. Ближе к вечеру за тобой заеду, заберу. Так что – давай, а я помчался...»

Перевалов остался один, и сразу же закралось нехорошее предчувствие. Что-то, мнилось ему, должно с ним сегодня обязательно произойти. Что, почему и с какой стати – объяснить себе не мог, но предчувствие не покидало, бродя в нем холодным сквозняком.

Весна в том году была ранняя, но слякотная. Жидкая грязь чавкала между рядами под ногами редких в это буднее утро покупателей. В палатках от нее спасались набросанными на землю картонками, но грязь все равно прорывалась из-под них наружу струйками и крохотными фонтанчиками.

Невысокого, крепенького бойкого парнишечку этого в короткой, до пояса, цвета черной весенней грязи кожанке и таких же, в тон ей, джинсиках, Перевалов заприметил издалека. Парнишечка хозяйски уверенно продвигался по направлению к нему от палатки к палатке, свойски перебрасывался двумя-тремя фразами с продавцами и небрежно протягивал руку. Продавец вкладывал в нее несколько бумажек, и рука тут же ныряла в объемистый, прицепленный к ремню, кошелек на животе, именуемый в народе «Желудком». Парнишечка переходил к следующей палатке, и процедура повторялась. И чем ближе подбирался к Перевалову парнишечка, тем ознобней Николаю Федоровичу становилось.

Но вот парнишечка остановился против него, изучая колким буравящим взглядом голубовато-льдиных глаз под белесыми бровями. Был он белобрыс, и короткая, чуть ли не под ноль, стрижка делала бильярдно круглую голову его похожей на одуванчик.

«Новый, что ли?» – спросил наконец он.

Перевалов неопределенно пожал плечами.

«А кто у нас тут стоял? – наморщив лоб, стал вспоминать белобрысый. – Кажись, Васильич...»

Приятеля Перевалова звали Петром Васильевичем, но по причине солидной по габаритам фигуры его чуть ли не с молодых лет все величали Васильичем.

«Так ты сяди за него... – догадался парнишечка, лучезарно улыбнулся, не оттаивая, впрочем, но все же мягчея взором, и тут же построжел. – Ладно, кто за кого – дела ваши, а наше дело – с вас бабки взять».

Как и возле других палаток, он небрежно-ожидающе протянул руку.

«Простите, я не понял... Что за бабки... Вы, собственно, кто?..» – путаясь в словах, забормотал Перевалов.

«Кто, кто... Дед Пихто!.. – воззрился на него как на ненормального парнишечка. – Васильич с тобой, что ли, инструктажа не проводил?»

Перевалов помотал головой. Приятель действительно ни о чем таком его не предупреждал.

«Ну, Васильич, дает! – удивился белобрысый и назидательно сказал: – Так вот, запомни, лох, все должны платить. С каждой палатки – столярник. Понял?»

«За что? – заупрямился Перевалов, хотя уже и догадался, кто перед ним и с кем он имеет дело. И то, о чем раньше знал из газет или телепередач, сейчас представало перед ним в своем натуральном виде. – За аренду, за место Васильич администрации заранее, вперед, я знаю, заплатил», – попытался объяснить Николай Федорович.

«Так это не за аренду – за охрану. Ты платишь, мы тебя охраняем. Чтоб не наезжал никто», – объяснил белобрысый

«А милиция на что?» – не сдавался Перевалов.

«Да что твои менты, в натуре, могут! Они, если что, и возникать-то не станут! Короче – дело к ночи – кончай базар и гони, козел, столярник!..»

За сегодняшнее утро Перевалов еще ничего не успел продать, и стольника у него просто не было. Можно было бы, конечно, попытаться перехватить у соседей или попросить отсрочку до прихода Василия. Но Перевалова болезненно задевал и сам факт открытого вымогательства, и та бесцеремонная наглость, с которой действовал этот, в сыновья ему годившийся, молодой человек.

«Сам ты козел! – вспыхнул Перевалов. – Иди, давай, отсюда!»

«Что-что?» – не поверил своим ушам парнишка.

«То самое... Проходи мимо...»

«Ладно... – недобро усмехнулся белобрысый. – За базар ответишь... – И круто развернувшись, торопливо зашагал прочь.

«Зря это вы... – осуждающе сказала женщина из палатки напротив. – Они все равно вас в покое не оставят».

«Только себе хуже сделали», – поддержала ее продавщица из палатки слева.

И очень скоро Перевалову пришлось убедиться в их правоте.

Минут через двадцать он снова увидел белобрысого вымогателя. Был он уже не один, а в сопровождении двух таких же коротко стриженных, обтянутых черной кожей и джинсой, битюгов. Масти они, правда, были иной и походили на подбирающихся к издыхающему зверю воронов. Челюсти их методично двигались, гоняя между зубов жвачку, а тупые физиономии не выражали ровным счетом ничего.

Троица остановилась у палатки Перевалова. Теперь их разделял только низенький раскладной столик, служивший прилавком, на котором были разложены образцы обуви.

«Этот?» – кивнул в сторону Николая Федоровича один из битюгов.

«Он, – подтвердил белобрысый.

«Как торговля?» – поинтересовался бесцветным хриловатым голосом другой битюг.

«Да никак», – чувствуя предательское дрожание голоса, ответил Перевалов.

«Видишь, Белый, мужик еще бабок не надыбал, а ты его трясешь, – все тем же бесцветным голосом попенял битюг белобрысому. – Может, скидку новичку сделаем? Пусть товаром на первый раз рассчитается. Тут кроссовочки для тебя, Белый, есть ништяк. А я вот ветровочку померяю...»

Битюг по-хозяйски снял со стенки палатки понравившуюся вещь, деловито расправил, ощупал ее и сказал: «А и мерить не буду. С пивом – потянет!»

Он перекинул ветровку через руку и двинулся вдоль ряда дальше. Белый, прихватив пару кроссовок, поспешил за битюгами.

«Да вы что!.. Куда?.. Верните товар!..» – рванул за ними Перевалов.

Троица и ухом не повела.

«Стойте, сволочи!» – заорал вне себя Перевалов.

Троица тормознулась, развернулась лицом к Перевалову.

«Мне слышалось, или правда кто-то тут возгудает?» – сказал битюг с ветровкой, не меняя прежней своей интонации, и троица, будто слова его были командой, двинулась обратно.

Она надвигалась на Перевалова тяжелым, готовым раздавить, вмять в грязь асфальтовым катком, и Николай Федорович невольно попятился, продолжая бубнить деревенеющими губами: «Товар верните... Верните товар...».

Троица приблизилась к Перевалову вплотную, обдала сложным амбре пива, курева и жевательной резинки.

«Так что ты сказал?» – спросил битюг с ветровкой на руке.

«Товар отдайте...» – почти прошептал Перевалов.

«Ничего ты, однако, не усек», – осуждающе покачал головой бандит с ветровкой.

«Еще и оскорбляет», – вставил белобрысый.

«Вот именно! – согласился битюг с ветровкой и вздохнул: – Придется поставить на вид». Он вдруг резко и коротко замахнулся, и Перевалов непроизвольно отшатнулся.

«Не бойсь, бить не буду, – успокоил битюг. – Зачем нам „разбойное нападение“, „тяжкие телесные“ и прочее. Ты сам сейчас упадешь. Запнешься и упадешь...»

И в то же мгновение, почувствовав мощный, словно на бревно со всего маху напоролся, толчок в грудь, Перевалов отлетел в глубину палатки и рухнул на мешки и коробки с товаром.

Он хотел вскочить и не смог: в груди сперло так, что ни охнуть, ни вздохнуть.

Троица между тем принялась деловито крушить палатку. В Перевалова полетели сорванные с крючков на ее стенах вещи, обувь. Потом обрушился на его голову – едва успел прикрыть ее руками – раскладной столик-прилавок. В довершение выродки свалили палатку, которая погребла несчастного Перевалова могильным курганом.

Когда Николай Федорович наконец выкарабкался наружу, глазам его предстало печальное зрелище. Варварам этим показалось мало просто раскидать вещи; они еще и в грязи их вывалили, ногами со злорадным остервенением на них потоптались.

Перевалов беспомощно озирался, торча, как печная труба на погорелище, ловя на себе удивленные взгляды проходящих мимо покупателей. Его душили бессильные слезы. Убивал не только учиненный мерзавцами погром. Не менее обидно было и то, что никто вокруг пальцем не шевельнул пресечь, остановить распоясавшихся рэкетиров, придти к нему, их торговому сотоварищу на помощь. Наоборот, еще и соли на рану соседи его насыпали, напомнив, что они предупреждали – не связывайся, не лезь на рожон, уступи, смиришься, делай, как все, и спи спокойно.

Вернувшийся после обеда приятель, увидев погром, долго молчал, выковыривая из грязи то одну вещь, то другую, наконец сказал: «Я, Федорыч, конечно, тоже виноват, что запомнил предупредить тебя насчет этих ребят – у них как раз по пятницам обход, но и ты хорош... Чего было в пузырь-то лезть, на дурацкий принцип идти. Не видишь, что ли, что вокруг творится, в какое время живем? Соображать надо!...»

Приятель все же оказался человеком благородным и возмещения убытков от Перевалова не потребовал, но точку в его торговой карьере поставил.

13

Беда, говорят, не приходит одна. Отвори ей ворота – въедет во двор целым составом.

Не успел Перевалов от рэкетиров очухаться, как новое ЧП. Не с ним, правда, с супругой, возжелавшей быстро и бесхлопотно обогатиться.

Финансовая компания с красивым названием «Лазурит», куда жена Перевалова вложила свои не ахти какие средства, в одночасье лопнула и бесследно исчезла с горизонта. Еще вчера исправно функционировала, принимала деньги от клиентов (выдавать, однако, проценты уже не выдавала, повесив объявление, что просит не беспокоиться, что де скоро выдача возобновится), а сегодня – как и не было никогда на свете этой конторы: офис пуст, даже кнопки канцелярской в нем не сыскать, безлюден, по комнатам ветер гуляет-насмехается, мол, нате вам, выкусите! Не знали разве, что жадность фрайеров губит?...

И заметались бедные вкладчики, как в мышеловке. Обман, закричали, караул! Ограбили, запричитали, без ножа зарезали! Держите их, ловите!..

Кого? Где? Кому ловить-то? Кого винить в собственной глупости и ротозействе? Сами же доверили козлам-мошенникам свою капусту. Ни козлов вот теперь, ни капусты...

Но безутешны были те, чьими скромными сбережениями строилась внезапно обрушившаяся пирамида. Почему их вовремя не предупредили, не удержали от опрометчивого шага (удержишь, пожалуй, если рвались, как форвард на забивание решающего гола!), не подстелили соломки, наконец?..

И вот уже новая организация из горя этого выклюнулась под названием «Общество обманутых вкладчиков». «Лазурит» ведь не один такой был и не один он в нужное для его владельцев время лопнул. Так что сам Бог велел обманутым вкладчикам объединяться, чтобы коллективно мстить за свои обиды, а, главное, за неимением сбежавших ответчиков, найти, с кого спрос учинить.

Да и искать-то особо не надо. Не на необитаемом острове ведь живут – в государстве. С него и спрос! Пусть расплачивается за чужие грехи. Жираф большой – с него не убудет...

Оправившись от удара, супруга Перевалова активно включилась в борьбу за честь и достоинство обманутых вкладчиков и по вечерам надоедала Николаю Федоровичу с эмоциональными, в картинах и подробностях, рассказами о происходящих в их «Обществе» процессах.

Впрочем, эти «процессы» Перевалов и сам имел возможность лицезреть, когда однажды, поддавшись уговорам жены, посетил очередное собрание «Общества».

Люди толклись здесь в основном в возрасте. Гвалт и ор в одном из пустующих помещений бывшего «Лазурита» стоял, как на стадионе во время важного матча любимой команды. Только что разве не свистели, сунув пальцы в рот. Возбужденные вкладчики были настроены воинственно. Слышались проклятья в адрес руководителей всех рангов: от столичных до местных. Виноваты были все. Однако в огород «Лазурита», к удивлению Перевалова, камня почему-то никто не бросил. Словно боялись: вдруг хозяева его также, как и пропали, неожиданно-негаданно объявятся и покарают тех, кто против вякал – не отдадут взад денежки.

Напряжение росло. Уже предлагали составить грозную телеграмму с последним «китайским» предупреждением главе государства, допускающим «пирамидальные» безобразия и плохо обеспечивающим конституционные гарантии. Уже слышались призывы идти на столицу маршем пустых кошельков и, объединившись с обманутыми вкладчиками всей страны, биться лбами о мостовую перед домом правительства до тех пор, пока не вернут им все деньги с обещанными супер-процентами...

Все это напоминало Перевалову революционный митинг и казалось, что вот-вот, когда народ дойдет до точки кипения, начнется раздача оружия и патронов. Николай Федорович

инстинктивно оглянулся, ища глазами выход, но за пугающим отсверком горящих нездоровым огнем взоров не смог его разглядеть.

«...Мы образуем партию, станем реальной политической силой и тогда заставим с собой считаться, вытряхнем с кого надо не только свои кровные, но и сами сделаем их историческими лишенцами...» – услышал вдруг Перевалов перекрывающий гул и гомон знакомый голос.

Он вытянул шею и не поверил глазам: это был он, бывший парторг, бывший кандидат в депутаты, а теперь, значит, предводитель обманутых вкладчиков, которых он по привычке и неумному политическому зуду сколачивает не то в партию, не то в секту. Безумный фанатичный огонь во взорах многих здесь присутствующих давал больше оснований предположить последнее. Хотя, честно говоря, особой разницы между тем и другим Перевалов в последнее время иной раз и не замечал.

Он частенько видел представителей различных политических группировок то по телевизору, витийствующих на всяких ток-шоу, то на митингах, то в пикетах у чиновных подъездов. Но где был результат их бурной деятельности? И те, и другие, и десятые, бия себя в грудь, клялись на чужой крови, что улучшат, обеспечат, приведут столбовой дорогой в рай, сделают счастливыми. На самом же деле только вгоняли в транс, доводили почти до сумасшествия и без того всегда нервно-возбужденную, слабую на всякий массовый гипноз и психоз толпу. И еще больше обездоливали – не материально, так морально и духовно.

Да и как иначе, если поводырями и гуру были перевертыши вроде их бывшего парторга, готовых поменять партбилет хоть на крест, хоть на бубен шамана, лишь бы успеть поиметь свою корысть.

А то, что парторг и на сей раз оказался в нужном для себя месте и в нужное время, невольно подтвердила супруга Перевалова, проговорившись, что главное для их «Общества» сейчас – решить проблему брошенного «Лазурином» впопыхах помещения.

Недвижимость эта имела немалую цену, и куском была лакомым. А если бывших вкладчиков еще и в партию преобразовать, и брать, как полагается, членские взносы, да, помимо того, привлечь под партийные знамена нужных людей при хороших возможностях, то тем паче было за что бороться вождям «обманутых».

А Перевалову после того собрания подумалось, что, наверное, все они, рядовые граждане своей страны, сегодня – «обманутые вкладчики»: свои силы, умение, талант, старания, душу вкладывали в одно, а подсовывают им взамен совсем другое. В который уже раз в их истории подменили им икону и заставляют молиться совсем не на то, что действительно свято.

Но это бы еще полбеды. В конце концов по-настоящему ценен и свят не тот храм, внутри которого находятся они и который то рушат, то жгут, то воскрешают из злого пепла под покаянные речи, а тот храм, который внутри них самих. Но ведь и до этого храма добираются, подтачивать и расшатывать пытаются...

«Общество обманутых вкладчиков» телепалось еще довольно долго, обрастая скандалами, склоками, судебными тяжбами. В чью собственность перешло помещение «Лазурита» – понять было трудно. Арендовали его теперь многочисленные фирмы и фирмочки. Вкладчикам же, естественно, никто никаких денег так и не вернул. Даже без всяких процентов. Да еще и инфляция и без того небогатые эти деньжонки основательно подсушила.

Зато бывший парторг в любом случае в накладе не остался. Опираясь на плечи вкладчиков, он после очередных выборов занял кресло депутата областного законодательного собрания. О вкладчиках тут же забыл – не до них государственному человеку, который теперь мыслит другими масштабами, то есть «в общем и целом» и участвовал в коллективных родах законов.

Супруга Перевалова дорогу в «Общество», слава Богу, довольно быстро забыла. И не то чтобы прозрела и рукой махнула на потерянные по собственной глупости деньги, а просто

жизнь теперь ставила супругов Переваловых перед куда более трудными и тяжелыми вопросами...

14

Пока Перевалов взращивал огород, пытался торговать, какие-то другие источники дохода искал, а жена его ждала золотого дождя у подножья иллюзорной пирамиды, очень стремительно подрастали их дети. И создавали новые проблемы.

Дети у Переваловых были погодками, но уравновешенный и рассудительный старший сын рядом с младшей сестренкой смотрелся мудрым старичком. Он все что-то мастерил, паял, ковырялся с радиодетальями, чертил схемы, выказывая явно отцовские гены, и Перевалов втайне гордился им. Дочь же была милой егозой, больше маминого, чем папиного темперамента, хотя как ласковое теля успешно сосало обоих родителей. Хотя нельзя сказать, что Перевалов кого-то из детей выделял и баловал. Каждый получал свою долю отцовского тепла и заботы.

И все было бы хорошо в этой рядовой нормальной семье, не жировавшей, но по меркам своего общества жившей в приличном достатке, до тех пор, пока глава семьи твердо стоял на ногах, занимался своим делом-кормильцем и был спокоен за завтрашний день. Выбили его из этой колеи – опасно накренилось и закачалось все семейное гнездо.

И на детях это как-то сильнее всего аукнулось. Не в том смысле, что, недоедаячи с голоду они стали пухнуть. Стол семейный и правда заметно похудел, но не в том была печаль.

Когда-то, во времена детства и юности Перевалова, все были равны. Так, по крайней мере, им внушали и следили, чтобы никто не высовывался, не выламывался из общего строя и поперед него не забегал. Вряд ли это можно было назвать настоящим равенством. Разве что форма у всех – сизовато-серые гимнастерки, заправленные под широкий, со сверкающей желтой латунной бляхой, ремень, и такие же брюки – были одинаковые. Но и то не у всех. Сын директора завода Арнольдик, к примеру, носил не гимнастерку, а такого же цвета кителек (существовал и такой вариант школьной формы, который большинству был просто не по карману). Кителек придавал Арнольдику более внушительный, даже какой-то начальственный вид. И этим костюмчиком своим, и высокомерием, и тем, что с вызывающим чавканьем лопал свои бутерброды с диковинной для остальных копченой колбасой, запивая их настоящим черным кофе из расписного термоса и заедая на десерт краснобоким апортом, Арнольдик постоянно выламывался из общего ряда. Учителям то и дело приходилось за это пенять директорскому сынку, «впихивать» его обратно, чтобы не смущал, не нервировал остальную, воспитанную на картошке, школьную публику. По-своему, воспитывали Арнольдика и одноклассники. Но возможностей тут было меньше. Не удавалось его как следует отвалтузить на вольном, уличном просторе, чтобы не зазнавался. К концу занятий к школьному подъезду подкатывала директорская легковушка, шофер почтительно распахивал дверцу, и Арнольдик, показав всем на прощанье злорадно язык, нырял в автомобильное нутро.

С Арнольдином, кстати, позже, классе в седьмом, когда не стало этих дурацких полувоенных форм, они неплохо сошлись, бегали частенько к нему домой, слушали магнитофонные записи (у него у единственного в школе было это чудо тогдашней техники), налегали на бутерброды, которые делала им его мать.

И детство, и юность вспоминая, приходил Перевалов к выводу, что расслоение было, видимо, во все времена – не могли люди жить все одинаково, но при всем при том, это расслоение так не бросалось в глаза, не подчеркивалось самодовольно, как сейчас, а его, наоборот, пытались приглушить, сгладить, хотя, быть может, лучше бы больше усилий прилагали, чтобы его было как можно меньше. При общем, весьма не зажиточном существовании бедность вовсе не считалась пороком. Скорее – печатью нормального обывания большей части тогдашнего населения.

И как все резко смешалось сейчас!..

Бедность стала пороком. И очень даже большим. Это подчеркивалось везде и всюду. И в газетных статьях, с восторгом расписывающих блестящие финансовые успехи новоиспеченных нуворишей. И в телепередачах, представляющих этих кузнецов золотого тельца как героев современности, гордость и надежду нации, хотя еще недавно их заслуги смело можно было определять как уголовные деяния под названием «спекуляция в особо «крупных размерах» или «афера», или еще нечто в этом же роде. И в различных телеиграх и телевикторинах, призывавших стать миллионером, разжигавших алчность. И, конечно же, в рекламе, на каждом шагу напоминавшей, что человек без денег – нехороший человек.

Даже в родном ЖЭУ, куда Перевалов, будучи уже безработным, поспешил после случайного заработка частично погасить задолженность по квартплате, его встретили как лютого врага, вылив на него ушат оскорблений, общий смысл которых сводился к тому, что из-за таких, как он (плевать, что безработный – его проблемы!), и они вовремя не получают зарплату.

Но, пожалуй, наиболее остро ощутили, что бедность – порок, да еще какой, дети, вообще все юное поколение. Об этом Перевалов мог судить по своим отпрыскам.

В школу они пошли на закате эпохи всеобщего равенства, но вскоре очутились в ее зазеркалье. И не то угнетало, что кто-то лучше был одет-обут, кто-то хуже, у кого-то пейджер был, а у кого-то, на зависть другим, – даже и сотовый телефон, а то, что и со стороны учителей не стало равного и справедливого, по достоинствам человеческого, а не богатству, отношения к подопечным своим. Нищая школа, брошенная на произвол судьбы, как и многое другое, в их разоренном, разворованном государстве, нуждавшаяся во всем сразу – от зарплаты до ремонта и денег на электричество, отопление и т.д., заискивала перед богатенькими родителями в надежде на щедрость их подаваний. Богатенькие же деточки (яблоки ведь от яблонь недалеко падают), в свою очередь, хорошо чувствовали силу богатства родителей, а, значит, и свою тоже, и вели себя в школе по-хозяйски. Да и как иначе, если директор или завуч, не говоря уж о классном руководителе, время от времени, нижайше кланяясь богатеньким папам-мамам, по тому же, выпрошенному у их чада на минуточку мобильнику, выпрашивали деньги то на одну школьную нужду, то на другую...

С родителей бедных проку не было никакого, а потому и к их детям такие же нищие учителя относились с плохо скрываемым презрением, почти с враждебностью, как к сорнякам на грядке. И чем беспросветнее становилось положение родителей, тем презрительнее и враждебнее было отношение к их детям. А дети, уже начинавшие осознавать себя в окружающем мире, как младенчества сон золотой вспоминали времена, когда их еще не делили на чистых и нечистых, когда гордились они папами-летчиками, хирургами, конструкторами или передовиками производства, а не папами-банкирами, крутыми бизнесменами или сомнительными преступными «авторитетами», когда честь воздавалась по работе, а не по дурно пахнущим деньгам, и, не в силах понять, что же такое случилось, адресовали свое недоумение, смешанное с нарастающей день ото дня обидой, родителям.

Все чаще то дочь, то сын Перевалова возвращались из школы в слезах. Дочь закатывала истерики, что ее «крутые» (она так называла богатеньких одноклассников) дразнят Золушкой, что ей стыдно ходить в таком позорном прикиде. А сын, вместо жалоб, с горящими глазами рассказывал, какой кому из ребят купили классный музыкальный центр, компьютер или мотоцикл, и добавлял, выжидательно глядя на отца: «Я тут в радиотоварах кассетничек хороший присмотрел. И не дорогой совсем...» Перевалов молча отводил глаза, а жена, давась рыданиями, начинала кричать на детей, что у них завидующие глаза, что они только и умеют в чужой в рот заглядывать, что не всем дано на иномарках раскатывать, и так далее в том же духе.

Она кричала, а Перевалову было больно и стыдно перед детьми. Разве виноваты они в том, что хотят выглядеть не хуже сверстников, жить, как они. Это он, их отец, не может сделать так, чтобы они нормально учились и отдыхали и были обеспечены всем необходимым. Одноклассники ходят на концерты «звезд», в театры, ездят с экскурсиями в другие города,

а его дети лишены всего этого, потому что ему, их отцу, нечем за все это платить. И после школы ждет их столь же унылая жизнь, если не даст он им (то есть не заплатит еще большую цену) хорошее образование с хорошей профессией.

Но с другой стороны, сам себе возражал Перевалов, так уж, на все сто процентов виноват он сам в своем бедственном положении? Останься на их плоту все по-прежнему, наверное, и проблем таких с детьми не возникло бы. Наверное... Но ведь не дети же их для себя создали. И им ли отвечать за то, что натворили старшие, одурманенные кто безбрежной свободой, кто геростратовой славой, а кто блеском золотого тельца. Так что ему, Перевалову, выходит, и отвечать за то, что не может вывести детей своих в люди, обеспечить им достойную жизнь. В какие «люди» и какую жизнь – это, конечно вопрос, но задавать его и действовать следовало гораздо раньше, а не ждать, что все образуется, вернется на круги своя. А уж теперь-то что, снявши голову, по волосам плакать! Теперь – хочешь-не хочешь – привыкай к новой стае.

Умом все понимал Перевалов, но ничего не мог с собой поделать: не совпадал со стаей ни голосом, ни повадками. Как ни тужился, ни старался подчас приспособиться, обязательно упирался внутри себя в какую-то непреодолимую стену.

Стена отчуждения, чувствовал Перевалов, вырастала и в его отношениях с детьми.

Сын был на выпуске, дочь дышала ему в затылок, оба заглядывали в ближайшее будущее, ничего хорошего в нем для себя не видели, и все чаще Николай Федорович ловил в их глазах себе укор и брезгливую, будто к заболевшему какой-то стыдной болезнью, жалость. Сын, худой и нескладный, как Паганель, продолжал ковыряться в радиодеталях, приобретая их где-то неведомыми Перевалову путями, и, казалось, весь был сосредоточен лишь на этом. Дочь на глазах превращалась в неплохо сложенную симпатичную девушку. Она была далека от всякой техники и мечтала только об одном: не в пример глупому, никчемному, не умеющему жить отцу, стать богатой, а значит, и счастливой. Ну а способ достижения этой цели представлялся юной леди, не успевшей переступить порог взрослой жизни и ничего в ней не умеющей, простым, проверенным и старым, как мир: искать прекрасного, набитого миллионами, принца.

Сын между тем получил аттестат, сдал вступительные экзамены в Технический университет. И что самое важное, что было в нынешние времена скорее исключением, чем правилом, – на бесплатное обучение. Да еще и стипендию стал получать. Пусть крохотную, но все же...

15

Перевалов радовался, что жизнь у парнишки начала складываться нормально. Однако радовался, как довольно скоро оказалось, преждевременно. И первого курса сын не успел закончить, как получил повестку из военкомата. Восемнадцать едва исполнилось. Не брился еще толком. Какой из него солдат – мослы одни! Нет – годным признали и в отсрочке, доучиться, отказали.

Перевалов потом, провожая сына на службу, поглядел на них, новобранцев. Зелень недоросшая и недозрелая, дистрофики, ветром качает. Какой прок от такого воинства!..

Жена была в панике. Надо срочно дать кому-нибудь в военкомате «в лапу», чтобы «отмазать» сына, наседала она на Перевалова. По причине хронического безденежья давать Николаю Федоровичу все равно было нечего, да и не представлял он себя совершенно в роли взяточдателя. И главное – не видел в том необходимости. Нет, конечно, он не враг своему сыну и, кто спорит, лучше бы ему сначала вуз закончить. Но ведь есть же воинская обязанность, есть священный долг – Родину защищать. Сам когда-то его исполнил.

«Какой долг? Какая Родина? – взвилась жена. – Эта жуткая, безобразная, прогнившая страна, где бандит на воре сидит и жуликом погоняет, – Родина? Ее защищать? Да пусть эта свора сама себя защищает!» – «Родину, как и мать, не выбирают», – как прилежный пионер возражал Перевалов и про себя думал: «Если она тяжело больна, не бросать же ее умирать».

Надо сказать, что причины для паники у жены Перевалова были веские. Уж давненько по окраинам их государственного плота то там, то сям зачинали дымиться от постоянных между собой трений суверенные бревна. А кое-где, в особо горячих точках и огонек с пороховым убийственным треском вспыхивал. Ну а в одном уголочке и вообще целый пожар занялся. Двести лет спесивые его обитатели ни перед кем не желали склоняться, а тут, когда ни твердой руки не стало, ни кнута, и вовсе выпряглись. Бросились новые кормчие статус-кво под названием «конституционный порядок» восстанавливать, да не тут-то было – фи́га уже не в кармане, а перед самым их носом торчала. Оскорбительная такая волосатая фи́га, провонявшая овечьей шерстью и звериным горским потом. Договориться, пряничком угостить, чтоб успокоились, запахло показалось, решили, что кнут надежнее. Забыли только, что и кнут надо уметь держать. А то, неровён час, тебя же твоим кнутом и перетянут. Так оно и вышло. Тем более что дети гор не только по части кнута были большие специалисты. Они и лицедеями оказались отменными. Не дай Бог, их было чуть задеть, даже голосом построже́ть! Уж такой концерт с выходом на мировую общественность закатывали, такую трагедию с поруганием прав человека разыгрывали, вышибая праведный гнев и сострадательные слезы у добропорядочного человечества, что даже привычных ко всему циничных кормчих приводили в смятение. Поминутно оглядываясь за «бугор», из-за которого доносились голоса в защиту горских овечек вперемешку с угрозами в адрес их обидчиков, кормчие начинали паниковать, делать глупости. Нашелся и возле кормчих кое-кто, кому весь этот сыр-бор на руку оказался, кто свой темный интерес в нем ловко прятал, с теми же лицедействующими овечками снюхавшись. В конце концов запутавшись окончательно, кормчие решили просто разрубить «гордиев узел». Тем более что ни они, ни их предшественники ничего другого, кроме как пустить юшку, не умели.

На памяти Перевалова такая «рубка», когда при нехватке нормальных аргументов, в ход шел бронетанковый меч, была не первая. Но, помнил Перевалов, он тоже не всегда помогал. А в соседней горной стране, куда однажды обрушался во исполнение интернационального долга этот меч-кладенец, и вовсе конфуз получился. Как обрушился, так и застрял среди камней ядовитых. Кое-как его, зазубренный, ободранный и выщербленный, назад выдернули.

И вот – снова за рыбу гроши и тем же самым по тому же месту!.. Бравый, но без печати интеллекта на челе, генерал, только что занявший кресло министра обороны, взялся уверять

телезрителей, что никакой горской проблемы не существует вовсе и что ему для ее решения достаточно полка воздушно-десантных войск и пары часов времени. Но прошла неделя, вторая, третья и оказалось, что военный коготок чем дальше, тем основательнее увязает в теснине мстительных гор, и вот уже рота за ротой, батальон за батальоном, бросаемые в это гиблое место, словно в заколдованном болоте бесследно пропадают.

Все чаще стали сообщать о погибших. Войну никто не объявлял, а счет их шел уже не на десятки, на сотни. И как тут было Перевалову, и его жене не опасаться, что сын их не окажется там, как не бояться, что будет убит, ранен или станет горским рабом, что не отрежут ему уши, пальцы, а то и голову, как нередко водится у этого народа-зверя...

Не дождавшись от Николая Федоровича решительных действий, жена Перевалова взяла инициативу в свои руки. Где, по каким кабинетам она бегала, с кем и о чем говорила-договаривалась, чего давала-обещала (личные-то сбережения после эпопеи с пирамидой были у нее на нуле), Перевалов не знал, но однажды, когда до отправки сына оставались считанные дни, сияющая супруга объявила ему, что куда-куда, но т у д а их сынуля точно не попадет. Это ей твердо пообещали. И с победным презрением – эх, ты, тюфячок, рохля, никчемный человек! – посмотрела на мужа.

Поначалу обещания действительно сбывались. Горская язва кровоточила в западной створе, а эшелон с новобранцами, среди которых был и их сын, ушел далеко на восток, к Великому океану, куда, казалось, никакая война не дотянется.

Но и полгода не прошло, как письма от сына стали приходить именно оттуда, с запада. Всего и было их два-три, где он сообщал, что вокруг высокие красивые горы со снежными вершинами и черные, как вороны, гортанно-крикливые, высокомерные и злые, готовые даже взглядом убить, аборигены.

Потом письма приходить перестали, и наступила полная неизвестность. Запросы в постоянное расположение части давали только один ответ: солдат такой-то в командировке, а где – военная тайна. В штабе округа от толпы солдатских родителей, осаждавших строго охраняемые подъезды, отмахивались, как от назойливых мух. Военные решали важные стратегические задачи, и заниматься едва оторвавшимися от мамкиных юбок салажатами им было некогда.

А вести из мятежной республики, куда – теперь уже Переваловы в том не сомневались – угодил-таки их сын, приходили все мрачней и тревожней: каждый день подбитая и сожженная боевая техника, новые и новые убитые и раненые. Чувствовалось, как ни пытались кормчие доказать обратное, шла там настоящая война. Замирая сердцем, Переваловы включали радио или телевизор и со страхом внимали тому, что происходило у подножья высоких красивых гор, смутно догадываясь, что это лишь макушка информационного айсберга о странной войне головы с собственным хвостом, в которой крайними оказались такие, как их сын, мальчишки.

После четырехмесячного молчания, сын наконец дал о себе знать коротким письмецом, в котором скупо сообщал, что находится на излечении в госпитале, что дело идет на поправку и скоро, наверное, его отправят домой...

Дома он появился неожиданно, без всяких предупреждений: позвонил в дверь и возник на пороге их квартиры как пришелец из другого мира.

В первый момент Николай Федорович даже не узнал сына. Куда-то исчез светлоокий, с распахнутым взором и застенчивым румянцем мальчик. Перед ним стоял угрюмый, погрубевший лицом, на котором и следа не осталось от былой свежести, потяжелевший и почерствевший взглядом парень в потрепанном, выдавшем виды камуфляже и таких же ветхих, на честном слове державшихся, армейских ботинках. От него исходил сложный запах пороховой гари, больницы и не совсем чистого тела.

И не только внешне изменился сын. Ничего не осталось в этом, стремительно повзрослевшем и заматеревшем молодом мужике, от прежнего, с детским еще восторгом присматривавшемся к широкому дольному миру, юноши. Что-то резко надломилось и как бы переключилось

в нем, меняя полюса. И какая-то неизбывная нездешняя тоска, какая-то незаслуженно-горькая обида поселилась в глубине его глаз. Не совсем и раньше-то раскованный и общительный, теперь он совсем замкнулся, как в кокон, ушел в себя.

И только однажды приоткрылся. Но и этой щелочки хватило Перевалову, чтобы увидеть, какая страшная и безрадостная картина скрыта от рядового обывателя за частоколами слов о наведении «конституционного порядка», о том, что наводят его знающие и умелые вояки, что дело это совершенно бескровное и бесхлопотное и не более трудное и ответственное, чем обычные учения.

А приоткрылся сын Перевалову, когда Николай Федорович однажды, пытаясь очередной раз растормошить, вывести его из ступора, из полунетаргического состояния воскликнул в сердцах: «Еще не жил толком, а ходишь, как живой труп!»

«А что ты знаешь о жизни?» – услышал он в ответ и словно лбом в стену ударил.

Перевалов действительно не знал того, что знал теперь сын и чего уже никогда не сможет испытать на своей шкуре он сам. Николай Федорович прожил большую часть своей жизни в другой реальности и в нынешней многого не понимал.

«А насчет трупа ты, наверное, прав – труп я и есть...» – устало согласился сын.

Перевалов в первый момент не нашелся, что и сказать, а чуть позже ничего и говорить не хотелось – сын в неожиданном, будто избыточным давлением предохранительный клапан сорвало, порыве откровенности стал рассказывать о своем армейском житье-бытье...

16

Сначала все было ничего. Привезли их на берег Великого океана, окруженными уютными кудрявыми сопками. Прошли, как полагается, курс молодого бойца, приняли присягу. Правда, ни оружие толком в руках подержать, ни пострелять еще не успели. В частях, сказали, по полной программе все будет. В части же, куда попал после «учебки» Перевалов-младший, стрелять оказалось и вовсе без надобности. Вокруг тайга, а на поляне, где торчало нескольких радиомачт на растяжках, приютился вагончик защитного цвета с аппаратурой, где и нес боевое дежурство взвод, куда попал молодой солдат. Чистый воздух, красивые пейзажи, в свободное от дежурств время рыбалка. Лафа!...

Но к заминкам лафа кончилась. Его и еще одного салагу вдруг срочно вызвали в округ. Здесь таких, как они, салабонов, согнанных со всех частей, томилось в неизвестности уже чуть ли не батальон. Слухи ходили разные. Однако в основном склонялись к тому, что бросят их на «зверей» (горцев).

Наконец загрузили эшелон и через неделю очутились они рядом с другими горами, высокими, сияющими зловещей белизной вечных снегов.

Потом началась сутолока и неразбериха. С бору по сосенке собранное воинство больше походило на толпу, ватагу, чем на полноценное армейское подразделение. Солдаты почти не знали друг друга, командиры – солдат. Оторванные от своих баз и частей, выбитые из привычной колеи, и те, и другие чувствовали себя крайне неудобно. Поскорее бы закончилась эта никому не нужная кампания да вернуться назад – читалось у всех на лицах. Скрашивая безделье, некоторые добывали где-то спирт, а кое-кто – и травку. Офицеры, сами многие навеселе, смотрели на это сквозь пальцы.

Наконец выдали личное оружие (Перевалову-младшему достался старенький облезлый автомат с несколькими магазинами к нему), посадили в боевые машины пехоты и куда-то повезли.

Им повезло. Добрались до места благополучно, без потерь, хотя по дороге несколько раз обстреливали, и слышно было, как, рикошета, дзинькали пули о броню.

Их высадили в чистом, почти бесснежном поле, поросшим кое-где редким кустарником. Здесь уже было полно военных. Люди, бронетехника и артиллерийские орудия все, как на ладони. Среди этого сборища ратной техники, оцетинившейся стволами в разные стороны, беспорядочно передвигались солдаты. Все это называлось районом сосредоточения Восточной группировки.

И первое, что спрашивали у вновь прибывших измученные грязные военнослужащие, заброшенные сюда раньше, нет ли чего пожрать и покурить. Кухню и тыловиков здесь еще не видели.

Никаких блиндажей или землянок, где можно было отдохнуть, тоже не наблюдалось. Только редкие кое-где окопы, вырытые ямы да воронки от разорвавшихся мин и снарядов – вот и все «укрепления». Прятались либо в БМП, либо в окопах. Но от минометного огня не спасало ни то, ни другое.

Отделение Перевалова-младшего заняло позицию в глубокой яме. Они натащили туда ящиков с патронами. Надеялись, что пробудут здесь недолго, но застряли на несколько суток.

Дело в том, что вся местность вокруг была изрыта арыками, и горцы, хорошо ориентируясь в них, подходили прямо к позициям. Они появлялись перед ними всегда неожиданно, заросшие черной, как смоль, бородой или такого же оттенка недельной щетиной, с горящими ненавистным огнем глазами. Злыми гортанными голосами они выкрикивали свой древний боевой клич, который, наверное, можно было бы перевести как «бог, накажи нечестивцев!» и от которого мурашки пробегали по спине, и начинали палить короткими расчет-

ливыми очередями. В ответ открывался беспорядочный испуганный огонь, но горцы, наделав шороху, задев своими очередями одного-двух солдат, столь же внезапно исчезали, чтобы потом появиться в другом месте.

Особенно страшны и опасны были их налеты ночью. Били тогда горцы уже не короткими очередями, а вели плотный огонь, заставляя чуть ли не по часу лежать лицом вниз в промозглой от растаявшего снега грязевой каше, испытывая непередаваемый ужас. Одно дело нечто подобное было видеть когда-то в кино, заранее зная, что все срежиссированно и сыграно, а ты только зритель, которому ничего не грозит, и совсем другое, когда сам вовлечен в этот жуткий военный спектакль, где все настоящее, а не бутафорское, и где жизнь твоя каждую минуту под боем. И вдвойне страшно оттого, что их, салаг, никто не научил, как в такой обстановке себя вести, что делать, чтобы остаться в живых.

У них и навыков-то боевых никаких не было: ни, там, автомат с закрытыми глазами разобрать-собрать, ни элементарно к стрельбе лежа изготавиться... Все это должно было исполняться механически, не задумываясь. А тут кое-кто не знал даже, как и рожок к автомату присоединить. Да и стреляли... Услышав горскую речь, вскидывал на голос оружие и палили с перекошенным от ужаса лицом до тех пор, пока не кончался рожок. Заряжали новый, и опять полосовали воздух.

Да что о солдатах говорить, если на многих офицеров в те дни жалко было смотреть!

Своего взводного они увидели лишь наутро следующего дня. Лейтенант кулем свалился к ним в яму и долго не мог прийти в себя, что-то бессвязно бормоча. А когда начался очередной обстрел и заработали минометы, он забился на дно ямы, обхватив голову руками, и трясся, как в лихорадке. Казалось, офицер сошел с ума. Может, и впрямь спятил...

На третьи сутки стрельба стала стихать. И их стали выгонять из укрытий: из ям, наспех вырытых окопчиков, воронок, из-под бэтэров, бээмпэшек – кого откуда и пытаться организовать из этого хаотичного, перепуганного грязного сборища, лишь отдаленно напоминавшего воинство, колонну.

Горцы, оказывается, изрядно потрепав им нервы, отошли, и армии теперь была поставлена задача штурмовать горскую столицу. Поэтому пехоту снова посадили на броню и – вперед!

Колонна из нескольких танков впереди, бронетранспортеров, штабных машин, остальной техники, облепленной солдатами, была похожа на длиннющую змею. Никакого боевого прикрытия с боков. Изредка проходили над ними вертолеты.

Почти до самого города двигались без приключений. Снег стоял. Гусеницы и колеса бронетехники месили черную жидкую грязь. Недалекие горы тонули в облаках. Но на подходе к мосту через реку, за которой начиналась столица, по колонне начали бить крупнокалиберные пулеметы. Им помогали снайперы. Каждая боевая машина, проходившая по мосту, тут же попадала под прицельный перекрестный огонь. Сидевшей на броне пехоте приходилось несладко. Пошли потери.

Прямо на глазах у Перевалова-младшего убило сидевшего рядом пацана-одногодка. Едва познакомиться они успели тут же, на броне. Он даже не успел понять, как это случилось и откуда стреляли. Просто вдруг судорожно, с захлебом вздохнул пацан, рванулся вперед грудью, словно что-то крикнуть вдогонку хотел, да и обмяк тут же, стекленея останавливающимся взглядом, а ниже левого предплечья стало, набухая и расплываясь, проступать сквозь грязный камуфляж, багровое пятно.

Под еще более яростный огонь попали в самом городе. Стреляли, казалось, из каждого дома, каждой подворотни. Уже несколько машин подбили горцы из гранатометов. Ощетинившаяся, как еж, колонна тоже отстреливалась. Солдаты спешивались, бежали, занимали позиции, опять запрыгивали на броню, снова отстреливались, прыгивали и бежали... Но все очень хаотично, беспорядочно, без всякой согласованности. Да и какой тут порядок, если вместо убитых, раненых или просто обеспамятевших от страха, как тот лейтенант в яме, офицеров,

во многих взводах и ротах командовать вынуждены были сержанты, в лучшем случае – прапорщики.

В хаосе этом уже невозможно было даже просто передвигаться. Вглубь города колонна продолжала втягиваться по инерции, оставляя на своем пути все больше убитых и раненых.

Скоро от нее осталось одно название. Горцы, свободно ориентируясь на своих улицах, умело рассекли тело колонны-змеи на отдельные куски и теперь с жестокой хладнокровностью добивали полностью деморализованных, отчаявшихся людей, помышлявших только о том, чтобы просто выжить.

Доставалось не только от горцев. Из-за аховой связи (зато у горцев радиотелефоны, отличные рации) свои иной раз начинали палить по своим.

Убитых и раненых почти не подбирали. Санитарные машины с экипажами горцы уничтожали еще при въезде в город. Другой же медпомощи не было. Лишь в боковом кармане камуфлированного бушлата имелся пакет с промедолом да еще в прикладе автомата – обмотанный кровоостанавливающим жгутом бинт. Поэтому, кроме как всадить в ляжку или руку укол промедола, ничем другим помочь раненому человеку было нельзя.

Невероятно, но бронетранспортер, где находился Перевалов-младший, все еще продолжал пульсирующими толчками – то рванется, то приостановится – двигаться. Солдаты да тронувшийся их лейтенант уже не огрызались на огонь противника (давно расстреляли весь боезапас, лупя от страха в белый свет, как в копеечку), а лишь судорожно вжимались в броню, моля, чтоб пронесло и вынесло наконец куда-нибудь в безопасное место.

Не пронесло и не вынесло...

Скорее всего, их бронетранспортер напоролся на мину. Перевалов-младший почувствовал вдруг, что какой-то страшной обжигающей силой его оторвало от брони и подняло в воздух. На краткий миг зацепил взглядом развороченную машину, окровавленную, в солдатском сапоге ногу над ней. Но тут же замельтешил рой звездочек в глазах, пошла красная пелена, и сознание отключилось...

Перевалову-младшему крупно повезло. Его подобрали пробивавшиеся из окружения десантники. И раны оказались не смертельные: несколько осколков в левой руке и, пардон, заднице да небольшая контузия.

Но он рано радовался. Полевой госпиталь, куда привели его десантники, был переполнен. Везде кровь, гной. Обезболивающих средств не хватало. Резали так, наживую. Врачи сбились с ног. С часу на час ждали машины, чтобы хотя бы тяжелораненых отправить на Большую землю. Десантники же ждали к вечеру вертушку. Снова отправляться в путь по враждебной горской земле после всего увиденного и пережитого совсем не хотелось, и Перевалов-младший напросился к десанникам.

Как чувствовал!..

Позже узнал, что колонна с ранеными, где предназначалось быть и ему, была по дороге расстреляна горцами. Полностью, до единого человека!

Ну а он в компании раненых десантников и завернутых в черную фольгу трупов благополучно попал в госпиталь. Осколки там вытащили, подлечили...

Только вот голова с тех пор часто беспричинно болит, и видения – пацан-одногодок с остановившимся вдруг навсегда взглядом и потерявшая хозяина нога в солдатском сапоге – по ночам мучают.

А еще вопросы, на которые никак не находится ответов. Зачем их, еще только начавших служить, пацанов бросили в этот ад? Ради чего они там гибли и калечились? Кому нужна эта война?..

Сын бил Перевалова тяжелыми камнями этих вопросов, а ему нечем было их отразить. Он чувствовал себя в странном и удивительном положении пожилой курицы ставшей

вдруг яйцом. Он, видевший войну только на экране кино и телевизора, знавшей о ней из книг и прессы, был отцом солдата, познавшего весь ее ужас и всю ее грязь изнутри.

Так что же в таком случае мог ответить он, невоевавший отец, своему воевавшему сыну? Что в любом случае надо гасить пожар, дабы не распространялся он дальше? Да, но тушили ли его вообще? Или только делали вид, что тушат, играя под завесой порохового дыма, что его тушат, в свои грязные игры, в которых на кону огромные деньги? И пацаны-солдатики, собранные со всей страны и брошенные в эту западню, оказались очередной раз пушечным мясом, заложниками «желтого дьявола» и политиков, жиреющих на крови?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.